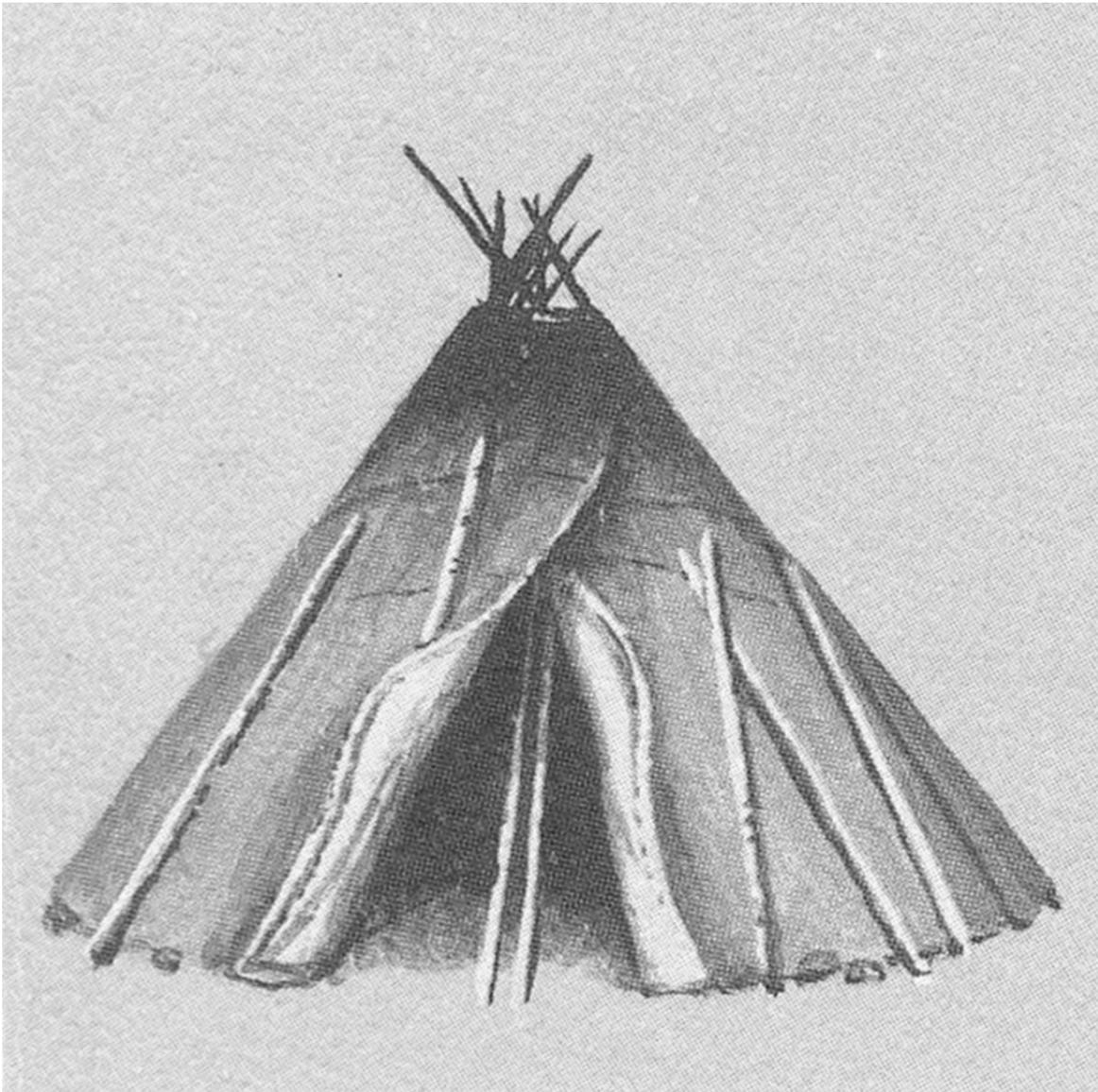

4th International Conference on Samoyedology

Hamburg, 3–4 October 2012

Abstracts

Обрядовая лексика как этнолингвистический источник

В докладе выявляются принципы номинации селькупской лексики, относящейся к похоронному обряду; на основе этнолингвистического анализа раскрываются особенности и культурная значимость селькупской погребальной традиции. Наиболее точная интерпретация анализируемых лексем достигается путем соединения имеющихся этнографических сведений, данных мифологии и фольклора о похоронном обряде у селькупов с данными языка. Языковая информация понимается здесь в широком смысле: привлекаются не только словарные материалы, но и текстовые, а также данные топонимики. Погребальная обрядовая лексика включает в себя наименования посмертного жилища селькупов. Каждый тип посмертного жилища имеет несколько названий с общей семой. Структурно они состоят из отдельных слов или словосочетаний и частично синонимизируются.

Следует отметить широкую синонимию внутри данного поля – для каждого из слов со значением ‘гроб’, ‘могила’, ‘кладбище’ язык предлагает множество вариантов. Еще одним важным фактором является использование одних и тех же слов для номинации жилищ живых и мертвых: слово *ed, ety* ‘стойбище, поселок’ трансформируется в поселение для мертвых - ‘кладбище’: *qaqal’ ety, lattar ety, porkəl’ ety*; лексема *mat* ‘дом’ в составе конструкций обозначает одновременно и ‘гроб’ - *kumməd kūbəl’ mättə, sej mat, tüej mat*. Слово *mekty* ‘стог, куча, груда’ трансформируется в название могилы - *lattaryl’ mekty, qumyl’ mekty, tüj mekty, pol’ mekty*. Лексема *se* ‘гроб’ этимологически сопоставима с лексемой *sessan*, обозначающей ‘амбар, священный родовой амбарчик’, например, *essem mādan poqqundə mēyat sessan* ‘Отец-мой сбоку дома сделал амбар’.

Все эти факты языка отражают традиционное мировоззрение селькупов, на основании которого умершие «живут» также как обычные люди. Возможно, считалось, что покойники обитают здесь же на земле, только находятся в другом состоянии, отсюда и происходит тождественность номинаций жилищ для живых людей и могильных сооружений.

Можно наметить определенную систему принципов номинации посмертного жилища в селькупском языке:

1) Структурный принцип: все рассмотренные составные термины образуют лексическое единство. Структурно они оформляются по четырем моделям: а) имя прилагательное + имя существительное в номинативе; б) ‘имя существительное в номинативе + имя существительное в номинативе’; с) имя

существительное в генитиве + послелог; d) имя существительное в генитиве + имя прилагательное + имя существительное в номинативе.

2) Семантический принцип: обозначение жилищ реального мира трансформируется путем введения особых слов (стойбище, дом, лабаз, кости и др.) в названия для реалий потустороннего мира.

3) Диалектный дистрибутивный принцип: происходит полная или частичная синонимизация лексических единиц одного разряда ввиду диалектного разнообразия. Так, в северных диалектах для обозначения кладбища употребляются термины *qaqal' ety*, *lattar ety*, *porkəl' ety*, *kysy mǎrgə*; на р. Кеть зафиксирован термин *лэет*; в языке обских шешкупов – *qagatpar*. Гроб обозначается в диалектах юга словом *se*; на р. Кеть известны такие названия, как *sej mat*, *tüej mat*, *tüej korra*; в диалектах севера употребляются для названия посмертного жилища словосочетания *kumməd kūbəl' mǎttə*, *illäl' pol' kor*, *innäl' pol' kor*. Для обозначения могилы, как на юге, так и на севере известно слово *kaga* 'могила; в южных диалектах употребляется также лексема *kyl*, на р. Кеть зафиксировано словосочетание *tüj mekty*, в диалектах севера распространены словосочетания *lattaryl' mekty*, *qumyl' mekty*, *tüj mekty*, *pol' mekty*.

Coding of Phase Semantics in Nenets

According to the approach proposed in (Plungian 2011: 418–419) the phase semantic domain embraces statements on existence/nonexistence of a situation P in comparison with some earlier moment. In other words, the phasal predicate contains an indication of the two points in time – the current t_0 (the moment of speech or another reference point) and the preceding moment t_i . Therefore, four phase meanings are logically possible: the inchoative “begin/start” (at t_i P didn’t take place, at t_0 P takes place); the terminative “end/cease/not continue/begin not” (at t_i P took place, at t_0 P doesn’t take place); the continuative “continue/not cease/not begin not” (at t_i P took place, at t_0 P also takes place); the cunctative¹ “not begin” (at t_i P didn’t take place, at t_0 P also doesn’t take place).

Compared to other phases, the largest and most varied number of means of expression in Nenets possess the initial phase of a situation. There is a special morphological marker $-lʎ-l(\check{a})$, joining a verb stem: $\beta ad'eʎ$ ‘to narrate’ – $\beta ad'eʎ-l\check{a}$ ‘to start narrating’; $jad\check{a}$ ‘to walk’ – $jad\check{a}-lʎ$ ‘to start walking’. Some intransitive verbs stems with $-lʎ-l(\check{a})$ can also join the causative affix, developing thus the meaning “to cause smb. to begin smth.”: $j\check{e}n\check{a}-lʎ$ ‘to begin to hope’ – $j\check{e}n\check{a}-l-ta$ ‘to make smb. begin to hope’; $lin\check{z}e-l\check{a}$ ‘to start hiding’ – $lin\check{z}e-la-bta$ ‘to drive smb. to start hiding’. The inchoative of some motion verbs can be coded simply by the type of conjugation: $Ti-naʎ \acute{n}\alpha\beta oti-ʎ$ (run-SUBJ/3Pl) ‘Our reindeer are running’ – $Ti-naʎ \acute{n}\alpha\beta oti-dʎ$ (run-REFL/3Pl) ‘Our reindeer started running’. The meaning of an initial phase of a situation can also be expressed by a number of phasal and inchoative verbs ($\acute{r}\alpha$ ‘begin’ (trans.), pe ‘begin, start to be engaged in smth.’ (intrans.), $l\check{a}btse$ ‘set to do smth.’ (intrans.), etc.): Хадаба сит няңу ‘He will start to kill you’ (FN); Наворуць нэйд ‘They’ve begun to eat’ (J-01); Пёдван’ лабцей ‘He’s got into a fight’ (T-65). The above morphological and lexical tools have different restrictions on use; while they reveal rather clear mutual functional distribution, related primarily to the ontological status of P : a process (limited/unlimited; purposive/non-purposive; agentive/non-agentive) or a state. They also differ as to whether or not they indicate the character of the beginning itself: planned/sudden, intensive, etc. The initial phase of some kinds of situations (movement, speech, emotional or mental state) can be expressed by an idiom: $\acute{n}\alpha\eta\beta amda \chi o$ ‘to begin to speak (usually after a shock, a swoon, etc.), literally: to find one’s own mouth’; $\chi obamʎ \eta adat\acute{s} \acute{n}\alpha\beta ota$ ‘to rush into a gallop (about an animal), literally: to rush tearing one’s own skin’, etc.

¹ We use the terms to denote phases of a situation as they proposed in (Plungian 2011).

As far as we can tell, there are not any special morphological means to coding the terminative. It is expressed by the terminative verbs *neβada* ‘cease, interrupt (intrans.)’, *neβadala* ‘cease, interrupt (trans.)’, *mǎʹe* ‘finish, end (trans., intrans.)’, *jolʹtse* ‘finish, end (trans., intrans.)’, *mǎdǎrʹ* (trans.) ‘cease, interrupt’, *lanomla* (trans.) ‘cease, interrupt’, etc.: *Ёрма мале ёльцей*” ‘Fishing is already over’ (T-65). *Яраць нрвадэй*”. ‘He has stopped crying’ (J-01). The speaker’s choice of a terminative verb is determined both by the ontological status of *P* (mainly, if there is an internal limit in its semantic structure or not) and by the cause and manner of termination itself: termination by reaching/not reaching some internal or external limit of a situation; termination without indication of reaching a limit; temporary termination, sudden/planned termination, etc.

The continuative meaning also has no special morphological means of expression. It should be, however, said that the basic semantics of one of the Nenets’ participles (a participle with *-na/-da/-ta* marker) is apparently continuative (the arguments to prove this point of view are discussed in detail in (Burkova 2004), in particular, ability of this form to combine with perfective stems without change of their aspectual meaning, expressing taxis semantics, ability to code stable states, etc.), cf.: *Лэмбарахананда параңода сяд” тода-на* (burn-PRcont) *тураха*” (J-01). ‘The decorations on his chest are like a fire. Literally: are burning like a fire’. However, the continuative meaning of this participle has already been partially eroded and, besides, this form is used rather rarely in finite predication. As a rule, the meaning of a situation’s continuity is represented by a context – mainly by temporal adverbs *tamna* ‘yet’, *t’ ǎʹ* ‘still’, *ǰilʹiʹ* ‘steadily’ etc.: *Тамна пиня’ мимы*”. ‘They have been still advancing’ (J-01). There are also examples where the continuative is expressed by a construction consisting of a negative auxiliary and a terminative verb: *Тикы сёв эвдагна вани а’*. ‘I keep singing. Literally: The song is not ceasing’ (FN) but they are very rare in my material.

The cunctative meaning is coded by a specialized morphological form – a participle marker *-βǎdaβej/mǎdaβej*: *Едадо’ тамна лохо-мадавэй*” (boil-PRcunc) *нэвы*”. Their pot has not boiled yet (FN).

References

- Burkova S. K voprosu o bazovoj grammaticheskoj semantike prichastij v nenetskom jazike // Voprosi jazikoznanija. – 4. – 2006. – P. 57–83.
- FN – Pushkarjova E. T., Khomich L. V. Folklor nentsev. – Novosibirsk: Nauka, 2001.
- J-01 – Jangasova N. M. Nenetskiye skazki I epicheskiye pesni “sjudbabts”, “jarabts”. – Tomsk: TGPU, 2001.

Plungian V. A. Vvedenije v grammaticeskiju semantiku: grammaticeskije znachenija v grammaticeskije sistemi jazikov mira. – M.: RGGU, 2011.

T-65 – Tereschenko N. M. Nenetsko-russkij slovar. – M: Sovetskaja entsiklopedija, 1965.

Abbreviations

intrans. – intransitive; Pl – plural; PRcont – continuative participle; PRcunc – cunctative participle; REFL – reflexive conjugation; SUBJ – subjective conjugation; trans. – transitive.

Личные песни в культуре самодийских народов

Нганасаны

Нонанэ балымэ буквально означает “меня-одного песня”, “меня-самого песня”. Напев личной песни придумывается взрослым человеком самостоятельно в определенный период жизни и в течение таковой не подвергается никакому изменению. Меняется лишь содержание песни, ее текст. В ней поется обо всем, что человека глубоко волнует, радует или огорчает. Песня исполняется за работой (например, починкой сетей), в дороге и т.д. Текст такой песни импровизируется во время исполнения и рассказывает о событиях жизни певца, имевших место в прошлом или происходящих сейчас. Каждый нганасанин имел свою личную песню, точнее - собственную мелодию, на которую, рисуя эпизоды своей жизни, импровизировал слова. В силу жанровых особенностей (запретов на исполнение чужих песен, импровизационности содержания и неустойчивости формы) личные песни чаще всего забывались, и лишь немногие дошли до нас как фольклорные произведения.

Хоанкутуо балы (“застольная песня”, буквально: песня пьяного) представляет собой психоделическое пение под воздействием алкоголя. Они появились позже личных песен, и постепенно, с уходом в прошлое многих традиционных черт нганасанской жизни, стали оттеснять личные песни, вбирая в себя их мелодическое оформление. *Хоанкутуо балы* отличались содержательной спецификой: в них человек пел о самом сокровенном, о своих обидах, неудачах; иногда эти песни были сродни молитвам-заклинаниям: человек просил богов о благополучии, выражал надежду на удачу. Специфическая манера исполнения выражалась в обилии повторов, бессвязном бормотании, резких регистровых «бросках» мелодии, преобладающем глиссандировании при переходе от звука к звуку, метрической аморфности. Нганасаны охотно исполняют *хоанкутуо балы*, слышанные ими когда-либо от родственников и знакомых и почему-либо запомнившиеся (Песни нганасан 1995).

Стих песен-балы представляет собой шестисложник: «Фундаментальным метрическим принципом нганасанского песенного стихосложения является использование шестисложных стихотворных строк... Этот принцип распространяется как на *kojnojrса* ..., так и на иные песенные жанры (личные песни *boli*, поющийся текст *sitobi* и *durimi*)» (Хелимский 1989. С. 59). Однако закономерности стихосложения в этих песнях не так важны для формообразования, как мелодические принципы. Напевы песен подчинены формульной мелодической организации, поэтому «мелодия и заданный ею распев шестисложника являются, с точки зрения нганасанской фольклорной

традиции, ведущим компонентом песни по сравнению с текстом» (Хелимский 1989. С. 64). Для песенных напевов характерна развитая мелодическая линия и обилие вставных несмысловых слогов (*who, ho, o, he, ge, je*), которые распеваются, в то время как слоги базисного текста произносятся речитативом.

Энцы

Песенный фольклор энцев представлен жанрами *барэ* (песня) и *модь барэ* (моя песня) – личностными импровизациями на собственный «напев». *Барэ* часто были любовного содержания и являлись песенной формой общения юношей и девушек. *Модь барэ* – личная песня, в которой человек описывает события своей жизни.

Собственно «песня» - песенно-поэтическое высказывание, имеющее традиционную систему символов, иносказательных образов и определенную ритмослоговую структуру, называлась *кунуярэ* (тунд.), *кинуадэ* (лес.) (Шейкин 1996. С. 26). В настоящее время появились «песни», связанные с инновационными явлениями в музыкальной культуре энцев (проникновением европейской мажоро-минорной ладовой системы, регулярных ритмов и куплетной формы): это песни энецких мелодистов Виталия Николаевича и Антона Николаевича Пальчиных из поселка Потапово (сыновей известного сказителя Николая Сергеевича Пальчина). Их песни «Бака», «Каяку» и другие стали для многих современных энцев единственным выражением этнического музыкального мышления.

Ненцы

Личная песня является «песенным выражением» личности человека и его роли в обществе. Личные песни играют важную роль для передачи этнокультурного опыта подрастающему поколению (Niemi 2004).

Я. Ниemi рассматривает жанр индивидуальных песен *сё* как отдельный сегмент трехчастной жанровой системы ненецкого песенного фольклора (другими сегментами являются, во первых, песенные повествования *сюдбабц, ярабц, хынабц*, во вторых, шаманские ритуальные песни). Он указывает, что исполнение личной песни не требует от фольклорного исполнителя особой «специализации» и специальных умений, поэтому жанр личных песен является наиболее распространенным.

Личную песню *сё* Я. Ниemi характеризует как специфическое общение, при котором важны ситуация исполнения песни и социальный контекст. Автор настаивает, что только с учетом этих составляющих возможно адекватно анализировать песенные тексты. Поскольку репертуар хорошего певца может включать все личные песни окружающих его людей прошлого, жанр личных песен можно рассматривать как своего рода память этнической культуры.

Селькупы

«Лирические песни кольма~коймы основываются на практике личностного создания и закрепления устойчивых мелодий (формульных напевов), на которые носитель традиции... импровизирует тексты об интересных событиях из прожитой жизни, своих родственниках, удачной охоте, окружающем мире, любовных отношениях и т.п. ... К [общеселькупским стилистическим чертам] относится довольно яркая тембровая характеристика: глоточная «хрипотца» с вибрацией или тремоло на долгих звуках и глиссандирующая скачкообразность. Мелодика песен туруханских селькупов преимущественно олиготонна с опевающим типом движения тонов, а у нарымских – с широким (октава и более) диапазоном и нисходящим типом движения тонов» (Шейкин 1996. С. 33).

Литература

Niemi 2004 – Niemi, J. Network of songs (Individual songs of the Ob' Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsuj). Helsinki: Soci t  Finno-Ougrienne, 2004.

Песни нганасан / Сост. и муз. редактор О.Э. Добжанская. Красноярск: Кн. изд-во, 1995.

Хелимский 1989 – Хелимский Е. А. Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория, 1989. С. 52-76.

Шейкин 1996 – Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996.

История этномузыковедческих исследований самодийских народов

Стремясь поместить столь значительную тему в рамки небольшой статьи, необходимо представить процесс исследования музыки самодийских народов в исторически-стадиальном ракурсе, минуя общепринятое рассмотрение по персоналиям.

Периодизация изучения музыки самодийских народов

1 этап – 18-19 век, «Академический период». Императорская Санкт-Петербургская Академия наук

2 этап – XX век, «Этнографический период». Советские этнографы, филологи.

3 этап – (вторая половина XX в. – XXI в.), «Музыковедческий период». Музыковеды СССР (России), Финляндии, Эстонии.

Приводя данную периодизацию, необходимо учитывать, что собственно этномузыковедческим этапом является 3-й, который начинается во второй половине XX века. Первые два этапа, соответствующие XVIII в. – первой половине XX века, характерны тем, что музыка самодийцев описывалась как бы «попутно» этнографическим, лингвистическим, географическим исследованиям, музыковедческие наблюдения дополняли дневники путешественников и краеведов.

1 этап (XVIII в. – начало XX в.). Императорская Санкт-Петербургская Академия наук

Исследования этого периода связаны с работой Академии наук, по плану которой проводился ряд экспедиций по изучению Западной Сибири, среди которых мы упомянем только связанные с нашей темой – это экспедиция П.С. Палласа (1768-1774), А.Ф. Миддендорфа (1842-1845), М.А. Кастрена (1845-1849), Т. Лехтисало (1911-1914), К. Доннера (1911-1914).

Петер Симон Паллас привел первые фрагментарные сведения о музыке некоторых самодийских народов в работе «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (Паллас, 1788). Александр Федорович Миддендорф, первый исследователь полуострова Таймыр, приводит первые сведения о музыке и танцах нганасан, а также публикует «ноты к басне» – нганасанскую эпическую мелодию (Миддендорф, 1878. С. 673).

В созданном лингвистом Маттиасом Александром Кастреном словаре самодийских языков зафиксирована связанная со звуковым поведением и музицированием лексика. Лингвист Тойво Лехтисало в своей экспедиции к

ненцам (г. Обдорск) впервые зафиксировал на фонограф ненецкие напевы. Фонографическая коллекция Т. Лехтисало является наиболее ранним и ценным источником по ненецкой музыке, активно используемым до нашего времени. Этнограф Кай Доннер в ходе сибирской экспедиции записал на фонограф пение селькупов, его коллекция является наиболее ранним источником по селькупской музыке.

Необходимо упомянуть также фонографические коллекции В.И. Анучина (1908 г.), И.М. Сулова (1914 г.), Н.К. Каргера (1928 г.), хранящиеся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом).

2 этап (XX в.). Советские этнографы, филологи.

Целью развернувшейся в 1920-1930-е гг. в Советской России активной этнографической работы было изучение путей для скорейшего перевода «отсталых» народов на путь социализма, поэтому музыка коренных народов описывалась лишь «попутно» основным задачам исследований. Однако, благодаря высокой квалификации представителей школы советской этнографии, у истоков которой стоят Л.Я. Штернберг и В.Я. Богораз, даже сделанные мимоходом заметки о музыке отличаются большой тщательностью и информативностью. Ценные сведения о функционировании и социальной роли музыки в традиционных общинах самодийских народов, описания шаманских обрядов и сопровождаемых музыкой традиционных праздников, рисунки и описания народных музыкальных инструментов, тексты и переводы песен приводятся в работах советских этнографов А.А. Попова, Г.Н. Грачевой, Б.О. Долгих, Б.О. Долгих, Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой, Ю.Б. Симченко, А.В. Головнева, Л.В. Хомич и других. Задача создания письменности для бесписьменных самодийских народов требовала фиксации фольклорных текстов и материалов, которые в настоящее время приобрели значимость музыковедческих источников (Г.Д. Вербов, Г.Н. Прокофьев, Н.М. Терещенко).

3 этап (вторая половина XX в. – XXI в.). Музыковеды СССР (России), Финляндии, Эстонии.

Начиная с 2-й половины XX века, музыка самодийских народов стала объектом музыковедения.

Пионером здесь является финский музыковед Армас Отто Вяйзьянен, который в 1965 г. опубликовал сборник «*Samojedische Melodien*», где представил нотные транскрипции ненецких и селькупских мелодий из коллекций Т.Лехтисало и К.Доннера (Väisänen 1965). Данный корпус нотаций ненецких мелодий имеет не только историческое значение (как первая публикация нотного сборника самодийской музыки), но и дает первичные музыкально-теоретические сведения о ней. В 1980-1990-е гг. нотации Вяйзьянена были пересмотрены Яркко

Ниemi, опубликовавшим собственные транскрипции архивных мелодий в виде аналитических нотаций. Плодотворное изучение Я. Ниemi ненецкой и селькупской музыки отражено в крупных музыковедческих публикациях (Niemi 1998, 1999, 2001, 2004).

Начиная с 1980-х гг., музыку самодийских народов плодотворно изучают российские музыковеды А.М. Айзенштадт, И.А. Богданов (Бродский), О.Э. Добжанская, Т.Ю. Дорожкова, Н.М. Скворцова, Ю.И. Шейкин, Ю. Юнкеров. В частности, И.А. Бродским и Ю.И. Шейкиным опубликованы многочисленные звуковые образцы самодийской музыки в аутентичном исполнении.

В трудах Ю.И. Шейкина (Шейкин 1996, 2002) музыка самодийцев рассмотрена в общем контексте музыкальной культуры народов Сибири, опубликована типология музыкальных инструментов.

Н.М. Скворцова в томе «Фольклор ненцев» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» опубликовала нотные транскрипции мелодий основных жанров ненецкого фольклора, с музыковедческой интерпретацией (Скворцова 2001).

Песни селькупов из собрания В.Рудольфа опубликовал Ю.Юнкеров (Юнкеров 1999), Т.Ю. Дорожкова в статье «Кеты и селькупы» охарактеризовала черты стиля селькупской музыки.

О.Э. Добжанская произвела комплексное описание музыкальной культуры нганасан и энцев (Добжанская 2005), исследовала шаманскую музыку самодийских народов (Добжанская 2008).

Эстонский музыковед Т. Оямаа опубликовала в 1990-2000-е годы ряд работ, посвященных музыкальным инструментам, музыкальному фольклору, специфическим приемам пения нганасан (Ojamaa 1990, 2000).

Интердисциплинарные связи

Важными для этномузыковедов являются интердисциплинарные связи с этнологами, а также с филологами и лингвистами, которые записывают тексты поющих произведений, изучают филологические закономерности строения поющих текстов. Здесь в первую очередь должен быть упомянут Е.А. Хелимский, исследовавший закономерности стихосложения самодийской песенной поэзии, выявивший оппозицию 6-сложного и 8-сложного стиха, закрепленной за жанрами необрядовой и обрядовой поэзии, изучивший способы перестановки слогов в нганасанских иносказательных песнях и другие (Хелимский 1989, 1990, 2000). Также должны быть названы О. Казакевич, Н. Костеркина, К. Лабанаускас, П. Симоншич, Н. Терещенко, П. Хайду и др. Интердисциплинарное изучение музыкальной культуры самодийских народов характерно для современного периода и является наиболее перспективным.

Литература

- Niemi 1998 – Niemi, J. The Nenets songs: A structural analysis of text and melody. Tampere: University of Tampere, 1998. 226 p.
- Niemi 1999 – Niemi, J. Songs of the Yenisey nenets performed by Lyubov' Prokop'yevna Nenyang-Komarova. Tampere: Tutkivi 20, 1999. 150 p.
- Niemi 2001 – Niemi, J. A Musical Analysis of Selkup Shamanic Songs //Shaman. Vol.9 No.2. Autumn 2001. P. 153-167.
- Niemi 2004 – Niemi, J. Network of songs (Individual songs of the Ob' Gulf Nenets: Music and local history as sung by Maria Maksimovna Lapsuj). Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2004. 201 p., tables.
- Ojamaa 1990 – Ojamaa T. The Nganasan sound instrumentary. Tallinn: Estonian Academy of Sciences, 1990. 34 p.
- Ojamaa 2000 – Ojamaa T. Glissando in nganasan music. Morphological, semantic, and syntactic levels / T. Ojamaa. Tartu, 2000. 171 p.
- Väisänen 1965 – Väisänen, A. O. Samojedische Melodien. MSFOu 136. Helsinki, 1965. 80 p.
- Добжанская 2005 – Добжанская О. Э. Энцы. Музыка; Нганасаны. Музыка // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты /отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2005. С. 541-544; 621-626.
- Добжанская 2008 – Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края. Норильск: Изд-во АПЕКС, 2008. 271 с.: ил., карты, ноты.
- Миддендорф, 1878 – Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Спб. : Имп. акад. наук, 1878. Ч. 2, отд. 6. С. 619-833.
- Паллас, 1788 – Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб.: Имп. Акад. наук, 1788. Ч. 3, половина 1-я. 624 с.
- Скворцова 2001 – Скворцова Н. М. О музыке традиционных ненецких песен // Фольклор ненцев; сост. Е.Т. Пушкарева, Л.В. Хомич. Новосибирск: Наука, 2001. С. 50-86. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 23).
- Хелимский 1989 – Хелимский Е. А. Силлабика стиха в нганасанских иносказательных песнях // Музыкальная этнография Северной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория, 1989. С. 52-76.
- Хелимский 1990 – Helimski E. Octosyllabic and hexasyllabic verse in Northern Samoyed // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristratum 2A. Summaria Dissertationum: Linguistica. Debrecen, 1990. Vol. 75. P. 120-128.
- Хелимский 2000 – Хелимский, Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с.

- Шейкин 1996 – Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии.
– Якутск: РДНТ, 1996. 123 с.
- Шейкин 2002 – Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов
Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002.
718 с.: ил., карты, ноты.
- Юнкеров 1999 – Старинные и современные селькупские песни / Сост. и муз.
редактор Ю. Юнкеров. Салехард: ЗАО «СПЭЙБ», 1999. 64 с.

Самодийские названия жилищ

0. В настоящее время коллектив авторов в Институте языкознания РАН работает по проекту РГНФ¹, цель которого - увеличить число прасамодийских реконструкций для лексики материальной культуры самодийцев и на полученном языковом материале сделать какие-то выводы относительно реалий, стоящих за этой лексикой. Здесь я попытаюсь обобщить данные, полученные для реконструкции наименований жилищ и их деталей в прасамодийском.

1. Этимологии

Пра-самодийские:

1.1. **mät* 'жилище, чум' SW 90 < ПУ **mättV* (*mVttV*) 'дом, чум' UEW 269.

1.2. **jesəj-* 'ставить чум' < ПТю **jasa-* 'строить, устраивать'.

1.3. **etV* 'стоянка, стойбище', нган. *н'амы, н'ады* 'место для установки чума', энец. *ida* 'стоянка чума, стойбище', *idaa* 'чумище, стойбище', псельк. **ētə* ~ **ētə* 'деревня, юрт, дом, стойбище'.

1.4. **ko-* 'шест в чуме', нганас. *kun'e "ə* 'шест в чуме (позади жен. места)'; ненец. *хо"ни'(н)* 'каждый из шестов по обе стороны от макода'; энец. *ku'ē'* 'один из шестов, ставящихся по бокам от *sama'a* и составляющих остов чума'; сельк. Таз *қо:* 'тип чума'.

1.5. **jejV* 'нюк', **jej-tV* 'шест для придавливания нюков', ненец. *ейда* 'шест в чуме у изголовья постели', *ея* 'нюк'; энец. *d'ee* 'нюк'; *d'eeme'* 'шестовой чум', *d'eto'o* 'шест для подъема нюков на остов чума'; нган. *дей* 'нюк'; селькуп. *четпō* 'шест; таган'; кам. *iadq* 'один из двух центральных шестов чума'.

1.6. **hurV* 'чехол (на нюк)', ненец. *нюр"* 'короткая крышка на нюк'; энец. *n'uore* 'тонкий внутренний нюк'; сельк. *нюрэс* 'чехол, наволочка'.

1.7. **tet-* 'берестяная крышка чума' SW 158 < ПСТунг **tiksa* 'тж'?

1.8. **siŋV* 'чистая часть чума напротив двери' SW 141; ср. ПУ **šeŋä* 'gut, gerade' UEW 499.

1.9. **sarwV* 'верхушка чума, дымовое отверстие > окно' Helimski 1997, 335 < ПУ **šarma* 'дымовое отверстие в чуме' UEW 344.

1.10. **ci-* 'поперечный шест над очагом, на котором висит котел', ненец. *ми"(ə)* 'поперечный шест над очагом'; энец. *t'ie* 'поперечные шесты над очагом'; нган. *t'iə* поперечный шест над очагом, на котором котел; сельк. *ми, чи* 'котел'.

¹ РГНФ 08-04-00133а "Картина мира прасамодийского этноса по данным языка", 11-04-00049 "Реконструкция названий оружия в алтайских и уральских языках".

1.11. **kārV* 'дом, стационарное здание', нган. *кору* (?*m*) 'дом'; ненец. *харăд* 'дом, здание, изба; поселок'; сельк. **kor(r)ä* 'чум, дом, землянка' < ТМ **kor* 'сруб' ССТМЯ 1 415 или < ПУ **korV* 'Dach, Bezug (eines Gegenstandes, des Bootes)' UEW 188.

1.12. **kämtā* 'крыша, дом', энец. *katодо* 'дом, поселок', сельк. *k²amta-la* 'доска потолка' < ПУ **komta* 'покров' (UEW, 671; Ю.В.Норманская предложила также включить в уральскую этимологию хант. *kāmät* 'крыша жилого дома').

1.13. **ö* (? **öä*) 'дверь', SW 29 < ПУ **owe* 'дверь' UEW 344.

1.14. **seŋV* 'угол чума, комнаты, женская половина' SW 141 < ПУ **šije* 'что-то согнутое' UEW 480.

1.15. **wātVwā* (? ~ **wātVpā*) 'спальное место' SW 173 < ПУ **wopV* 'спальное место (в снегу)' UEW 584.

1.16. **pājñā* 'постель, шкура, на которой спят' SW 115 < ПТМ **piangkV* 'нижняя покрывка чума' ССТМЯ 2, 36, 321.

1.18. **seTsän* 'амбар' SW 139.

Пра-северо-самодийские:

1.19. **ājāsV* 'встать чумом', ненец. *нэсо-* 'встать чумом', *нэсы* 'стоянка, стойбище поселение'; (?) энец. *usu-* 'встать чумом' < (?) ПУр **aše-* 'stellen, setzen, legen; ein Zelt errichten' UEW 18.

1.20. ПС **uj* 'шест', ПСС 'шест чума', SW 29 < ПУ **wole* (**wōle*) 'шест' UEW 579

1.21. **kimkV* 'шест чума' Аникин - Хелимский 2007, 137.

1.22. **pelVj* 'нежилая часть чума', нган. *hel'idiä* 'сторона чума напротив хозяйской', ненец. *пелей* 'нежилая сторона чума'; энец. (Л) *peleiku* 'часть чума, в которой не кладут постели', (Т) *peride* 'нежилая (без постели) часть чума' ? ср. ПУ **palV* 'left' UEW 351.

1.23. **lātV* 'пол', ненец. *лата* 'пол в чуме'; энец. *lata* 'пол'; нган. *lo(j)t'ü* 'широкая доска, (Pl) пол' < ПУ **latta* 'доска, крышка' UEW 238.

1.24. **lənkarī* 'порог' Аникин - Хелимский 2007, 135, из СТунг.

1.25. **təkV* 'защитная завалинка перед домом', ненец. *тахă* (н) 'защитная снежная завалинка вокруг чума'; энец. *тохи* 'тж'; нган. *təkjōzə* 'завалинка из снега и дёрна'.

1.26. **mākā* 'балка крыши' (< 'спина, хребет') SW 85 < ПУ **mika* 'спина' Sammallahti 1988.

2. Материал к типологии: тунгусо-маньчжурские названия жилищ.

Пра-тунгусо-маньчжурские:

2.1. **šib* 'жилище, очаг' (ПТунг 'дом', Маньч. 'очаг') ССТМЯ 1, 266-7, 257.

2.2. **čōra-n/ma* 'конический чум' ССТМЯ 2, 408.

2.3. **biri-* 'настилать жерди' ССТМЯ 1, 84, 127.

2.4. **siora-ŋ* 'жердь' (тунг. 'для строительства', маньч. 'гребная') ССТМЯ 2, 72, 430.

2.5. **elbe*- 'покрывать чум' ССТМЯ 2, 72.

2.6. **ūnde-kēn* 'покрытие жилища' (ПСТ 'покрышка чума', ПЮТ, маньчж. 'доски, тѣс, плахи') ССТМЯ 2, 273, 274, 276. D-Sh 12023 **ōnā-kān*.

Пра-тунгусские:

2.7. **ūte(n)* 'временное жилище (в форме усеченной пирамиды, из плах, крытое корой, на зиму прикапываемое землей и снегом)' ССТМЯ 2, 295.

2.8. **xomura*- 'полуцилиндрический шалаш, крытый корой и соломой' ССТМЯ 2, 17.

2.9. **kawa*- 'прямоугольный шалаш с двускатной крышей, крытый корой' ССТМЯ 1, 391.

2.10. **baksa* 'центральный столб, подпорка' ССТМЯ 1, 67.

2.11. **tirē-w-ke* 'жерди крыши' ССТМЯ 2, 187-8 (от глагола "давить").

2.12. **tuj-ksa* 'берестяная покрышка чума' ССТМЯ 2, 179 (маньч. заим. из ЮТунг).

2.13. **malu* 'почетное место против входа' ССТМЯ 1, 525.

2.14. **boj*- 'место в жилище по обеим сторонам от входа, где кладут постели' ССТМЯ 1, 78, 89.

2.15. **žokan* 'внутренний угол в жилище' ССТМЯ 1, 262, 269.

2.16. **kende-r-ki* 'порог в жилище' ССТМЯ 1, 448.

2.17. **beke(n)* 'косяк, порог > подоконник'

2.18. **sirge* 'завалинка' ССТМЯ 2, 79.

Пра-северо-тунгусские:

2.19. **harā(n)* 'площадка под чум' ССТМЯ 2, 317.

2.20. **sitkī* 'стенка чума' ССТМЯ 2, 99.

Пра-нанйские:

2.21 **dawura* 'четырёхстенный летник с двускатной крышей, крытой корой' ССТМЯ 1, 186.

2.22. **gianga* 'амбар на сваях' ССТМЯ 1, 147.

2.23. **gīlo(n)* 'нары с левой стороны от входа' ССТМЯ 1, 151 = нивх. **gel* 'часть нар'.

2.24. **goči* 'нары с правой стороны от входа' ССТМЯ 1, 163.

Отметим, что названия характерного обогревательного устройства в жилищах амурских тунгусов и маньчжур, кана - заимствованные.

3. Рассматривается устройство жилища самодийцев и окружающих народов по этнографическим и археологическим данным. Результат такого анализа, совместно с анализом происхождения названий соответствующих жилищ, приводит, в частности, к выводу, что для прасамодийцев, кроме разборного конического чума и заимствованного, скорее всего у тунгусов, сруба, было характерно стационарное жилище-полуземлянка в форме усеченной пирамиды из стоящих наклонно бревен и плах, крытое корой.

Сокращения

- Аникин – Хелимский 2007 – *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусские лексические параллели. М. 2007.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. *В. И. Цинциус*. Т. I-II. Л., 1975-1977.
- Helinski 1997 – *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Szeged, 1997.
- Sammallahti 1988 – *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages. Leiden: Brill, 1988. P. 478–554.
- SW – *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1988.

The Distribution and Reference of Subject and Object Personal Pronouns in Nganasan

Nganasan belongs to the Northern branch of the Samoyedic language family. As its sisters Nenets and Enets it distinguishes between three conjugation types: the subjective, the objective and the reflexive conjugation. The conditions under which the different conjugation types are chosen in linguistic contexts are not yet exhaustively clarified – especially regarding the objective conjugation. Dalrymple & Nikolaeva (2011) assume that strategies of topicalization and focalization exert the main influence on the choice of the conjugation type in all Samoyedic languages whereas Körtvély (2005) is convinced that the transitivity of the contextual situation determines the inflection of the respective verb. Kröhnert (2010) points out that the distribution of the conjugation patterns especially in Nganasan partly depends on some inherent lexical properties of verbs.

Nganasan has free personal pronouns in all persons and numbers, which, in contrast to lexical DPs, do not show any morphological distinction between the structural cases nominative and accusative (Wagner-Nagy 2002: 93). Their origin and development is well described in the literature (Collinder 1955, Siegl 2008, Zayzon 2004, amongst others). However, their distribution and their co-occurrence with the different conjugation classes, both as syntactic subjects and syntactic objects, exhibit some striking and challenging specifics which are not yet fully explained.

In our talk, we will address the questions in which contexts personal pronouns establishing a grammatical relation are morphologically realized and which semantic and syntactic factors are crucial in this respect. In this way we will provide an explanation for the absence of free pronouns displaying the grammatical relation of objects in clauses where the corresponding main verb is inflected in the objective pattern.

For this purpose, we have analyzed a compilation of Nganasan stories which has been annotated by the researches of the two linguistic projects “Typology of Negation in Samoyedic and Ob-Ugric languages” of the University of Vienna and “Languedoc”, the project of documenting several minority languages of Russia. On the basis of these data, we will illustrate that the morphological realization of free personal pronouns depends on their individual theta-marking.

It can be observed that personal pronouns assigned the prototypical agent role are exempt from being morphologically realized (cf. (1)). On the contrary, personal pronouns that represent prototypical patient arguments are obligatorily morphologically realized (cf. (2)).

- (1) *taharīaa maara-j kotə-kə-ntu-ʔ*
 now any-Acc.Pl destroy-Iter-Prs-3Pl.s
 “They kill everything.”
- (2) *taharīaa t̄miniā t̄ŋ ŋətə-ʔkə-ʔə-m*
 now now you.Pl examine -Res-Pf-1Sg.S
 “Now I will search you.”

Thus, 1st and 2nd person object pronouns have always a morphological representation. They are governed by verbs that display a subjective inflectional morphology (cf. (2)). Also 3rd person object pronouns are morphologically realized. However, in contrast to the object SAP pronouns, they do not belong to the free pronominal items. They are immediately incorporated into the finite verbs of the objective conjugation instead (cf. (3)). Accordingly, as evidenced by the modern Nganasan data, verbs that exhibit objective agreement markers do not co-occur with any free object personal pronouns or any lexical direct objects.

- (3) *s'erə-ʔə-tu manaküʔ ... sraðu ... təniʔa-ij-sa s̄ŋi*
d'arəði-ʔə-ʔə-3
 put.on-Pf-3Sg.O just.now ...immediately... so-be-Inf he
 pain-Res-Pf-[3SG.S]
 “He dressed her, so he fell ill.”

Since subject pronouns do not always bear a prototypical agent theta-role, but may also be assigned a role ranked relatively low in the actor hierarchy (Van Valin 2001), their morphological representation is optional in a number of contexts. As a matter of fact, one can find morphologically realized subject pronouns in clauses with state-predicates, with reflexive main verbs (cf. (4)) or with verbs that select an experiencer subject (cf. (5)).

- (4) *mənə nənsu -ʔ -nə*
 I get.up-Pf -1Sg.R
 “I got up.”
- (5) *mənə təʔ təbtə ləti -ntu -m n'il̄i -əu -ʔ*
 I you.know also be.unable -Prs -1Sg.S live -Excl -Cneg
 “I can't go on living either.”

However, the Nganasan data contain some utterances that might at first glance pose difficulties for our assumption as they exhibit subject personal pronouns that are prototypical agents (cf. (6)).

- (6) *mənə tənə taharīaa s'ül'ü -btu -ʔə -m*
 I you now come.to.life -Caus -Pf -1Sg.S
 “I brought you back to life.”

The insertion of such agentive subject pronouns like *mənə* in (6) can be explained by the hierarchical ranking of argument representation in Nganasan. More precisely, the morphological representation of a lower ranked pronominal argument allows the

morphological representation of a higher ranked pronominal argument. In (6) the patient argument *tənə* represents the lowest theta-role of the actor hierarchy. It enables the subject personal pronoun *mənə* which bears the highest theta-role of the actor hierarchy to appear. Related to the level of minimal clauses, this complies with theories of relative markedness. By analogy with Aissen (2003) we state: If a dominated element β is morphologically realized, then any dominating element α may also be morphologically realized.

To sum up, in our talk we will show that the morphological (non-)realization of the nominative and accusative personal pronouns depends on the respective theta-role they are assigned. We will infer that, although the structural cases of the free Nganasan personal pronouns are not differentially marked, their syntactic function is identifiable. Moreover, we will illustrate that the objective inflection on verbs is a result of an incorporation process that enables finite verbs to inherently represent their 3rd person pronominal objects.

A Few Notes On Selkup Prehistory And Proto-Selkup Dialects

Only hypothetical options/approaches describing the paradigm of the development of the Selkup language are possible now. In this work we follow only one of it – the genealogical approach. Within it the earliest independent stage of the Selkup linguistic (pre)history can be called Proto-Selkup – PSelk (the 2nd – 10th centuries AD). The terms – Old (used in [Глушков 2010а; Глушков 2010b]), Proto- (used here), Pre-, Common, General, Early, Ancient – all have their drawbacks.

In the first centuries of our era PS disintegrated into parts [Хайду 1985] similarly as PU earlier [Најдú 1964: 74]. PS divided into 4 descendants [Хелимский 1982: 37 – 47; Хелимский 2000а: 22]. By the time of dissolution they were roughly in the triangle of Tomsk – Krasnoyarsk – Yeniseysk (with huge adjacent areas) [Хелимский 2000b: 28].

Probably the population of the NW, NE and SE of the territory (more familiar with reindeer) moved to the North. The S was assimilated by the Turks; the W (along the Irtysh) – by the Ob Ugric peoples. The ancestors of the modern Selkups stayed in the center of the territory.

There are many PS ([Janhunen 1977]) and PSelk ([Alatalo 2004]) ‘reindeering’ words. Only groups of PS, living in the natural habitat of the reindeer (NW, NE and SE), were familiar with reindeer. As PSelk stayed in the center the reindeer could hardly become more popular in it than in PS. A full scale Northern reindeer is a post-PS phenomenon (cf. [Головнёв 2004: 73 – 74]). The Selkup ‘reindeering’ words ([Прокофьева 1976]) still await a detailed analysis.

The modern Selkups inherited the principle of settling over a territory by and along its rivers from PS and PSelk time; hence the distribution – when one river means one Selkup dialect [Glushkov, Tuchkova, Baidak 2004].

PSelk continued contacts with Tungus (the same as PS with Proto-Tungus – see: [Хелимский 1985b]); and with Yeniseic; not with any Indo-Europeans (again the same as PS – see: [Janhunen 1983]). The Turkic influence ceased in the 2nd century AD to come back around the 10th century. The linguistic data [Хелимский 2000с] (cf. [Róna-Tas 1988; Дыбо 1989]) agree with archaeological ones [Могильников 1980]. Contacts with Ob Ugric are less possible.

PSelk is best correlated with Ryolka archaeological culture (Narym – Tomsk, the 6th – 9th cent.). Ryolka genetically descended from Kulay [Чиндина 1984; Очерки... 1994: 224]. A full time agreement is not to be expected. The formula ‘PSelk = the end of Kulay + Ryolka’ is plausible, taking into account divergent processes in Kulay culture long before its dissolution.

Here are some phonetic markers that delineate PS from PSelk (see some for example in [Mikola, 2004]): 1) PS *w > PSelk *k or *q; 2) most PS *j > PSelk *k̑; 3) some PS *j > PSelk *k(k̑); 4) PS *j (before *-7-) > PSelk *∅; 5) some PS *k > PSelk *q; 6) PS *k (before front vowel) > PSelk *s.

No. 2 and No. 5 further developed long before the modern dialects, suggesting two dialects in PSelk: the Lower and the Upper Ob. These were marked by: 1) PSelk *k̑ (including < PS *j) > Upper Ob PSelk *k (PSelk *k̑ preserved in Lower Ob PSelk); 2) PSelk *q (including < PS *k) > Lower Ob PSelk *qq (PSelk *q preserved in Upper Ob PSelk). The two proto-dialects hypothetically started in the 2nd half of PSelk period.

Some borrowings from Samoyedic to Yeniseic confirm PSelk dialectal split (Yeniseic forms taken from [Дульзон 1961; Феев 1998; Werner 2002]).

Two PSelk dialects existed till around the 10th century. In the 10th – 11th centuries the further dialectal divergence started (see: [Хелимский 1985a]) to mark the next period of the Selkup (pre)history. Some time before the middle of the 17th century it finally resulted in the dialectal diversity attested in the historical time.

References

1. Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. – 465 S.
2. Hajdú P. Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1964, 14. P. 47 – 83.
3. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki: Castrenianumin toimitteita, 1977. – 185 S.
4. Mikola T. Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen // Studia Uralo-Altaica 45. Szeged, 2004. – 175 S.
5. Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 2002 // A Dictionary on CD.
6. Glushkov S., Tuchkova N., Baidak A. The Kenga Sub-Dialect of the Selkup Language // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg: Buske Verlag, 2004. Band 26/27. S. 49 – 56.
7. Janhunen J. On early Indo-European-Samoyed contacts // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 185. Helsinki, 1983. P. 115 – 127.
8. Róna-Tas A. Turkic influence on the Uralic Languages // The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences. Leiden, 1988. P. 742 – 780.
9. Глушков С.В. О древнем периоде и праистории селькупского языка // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 19 – 21 мая 2010 г.). Томск: Аграф-Пресс, 2010а. С. 405 – 409.

10. Глушков С.В. О древней языковой истории и древних диалектах селькупского языка // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике. Посвящается 100-летию со дня рождения Григория Давыдовича Вербова и 75-летию со дня рождения Ядвиги Николаевны Поповой (Новосибирск, 26 – 28 октября 2010 г.) / Отв. редактор С.И. Буркова. Новосибирск: Любава, 2010b. С. 45 – 53.
11. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УПО РАН, 2004. – 344 с.
12. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Ученые записки Томского государственного педагогического университета. Т. XIX, вып. 2 (отдельный оттиск). Томск, 1961. С. 152 – 189.
13. Дыбо А.В. Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссиям на Международной конференции. Ч. 1. М., 1989. С. 210 – 215.
14. Могильников В.А. Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тысячелетии н.э. // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 242 – 248.
15. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Том. 2. Мир реальный и потусторонний. Редколлегия тома: д-р ист. наук В. М. Кулемзин, д-р ист. наук В.И. Матющенко, канд. ист. наук А.И. Боброва. Под общей редакцией д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск, 1994. – 475 с.
16. Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 139 – 155.
17. Феер. Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск, 1998. – 134 с.
18. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. – 430 с.
19. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М., 1982.
20. Хелимский Е.А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985а. С. 42 – 58.
21. Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации // Урало-алтаистика: археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985б. С. 206 – 213.
22. Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000а. С. 13 – 25.
23. Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000б. С. 26 – 40.

24. Хелимский Е.А. Самодийские лексические заимствования в тюркских языках: этимологии и оценка их достоверности // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000в. С. 301 – 319.
25. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. – 254 с.

Аугментатив в нганасанском языке: от грамматики к дискурсу и обратно

В нганасанском языке, как и в других ныне существующих самодийских языках, активно употребляются именные суффиксы со значением размерности: диминутив (показатель $-ʔki$ с вариантами) и аугментатив (наиболее частотный показатель $-aʔa$, есть и другие). Исходные их значения — «маленький размер» и «большой размер», соответственно. При этом употребления диминутива, насколько известно, не выходят за пределы обычного для этого значения круга: помимо собственно диминутивности, это ласкательность (гипокористичность) или, наоборот, пренебрежительность: $ʔüə-ʔkü$ ‘маленький ребенок’ или ‘ребеночек’, $maða-ŋki$ ‘маленький чумик’, ‘плохонький, бедный чум’. Напротив, употребления аугментатива вышли далеко за пределы обычной «увеличительной» семантики. Более того, собственно аугментативные употребления типа (1) составляют лишь небольшую часть форм с суффиксом $-aʔa$ и его вариантами.

- (1) $ʔenaʔa-ʔa$ $ŋanuə-məŋi$, $bahidʔa-ʔa-güma-tʔə$ $ŋanuə-məŋi$ $məŋüü-ʔ$
огромный-AUGM настоящий-PROL гриб-AUGM-то-EMPH настоящий-PROL кулак-GEN.PL
 $mandi-ʔ$ $tətji-tʔü-ʔ$
размером.с-PL иметься-PRAES-3PL.S
‘Огромные такие грибы, величиной с кулак’.

Очень частое употребление аугментатива в нарративе — для обозначения персонажей. Часто, особенно в эпических сказаниях, это оправдано сверхчеловеческими способностями этих персонажей, их силой, размерами их стад и ездовых оленей и пр. Помимо грамматического аугментатива, стандартным эпитетом персонажа, а часто и заменителем его (фактически — местоимением) является прилагательное $ʔenaʔaʔa$ ‘огромный’.

Сверхъестественные качества эпических героев хорошо накладываются на семантику аугментатива, однако во многих случаях аугментатив употребляется без всякой связи с размерами или способностями персонажа. Как кажется, это просто способ выделения главных героев повествования, причем не только фольклорного, но и вполне бытового:

- (2) $Idʔa-ʔa-kəj-ŋə$ $ŋemj-gəj-ŋə$ $dʔürimigə-tj-gəj$ $hiŋhiʔ$
папа-AUGM-DU-PL1SG мать-DU-1SG разговаривать-PRAES-3DU.S ночью
‘Мои папа и мама вечером разговаривают’.

Такие употребления объясняются важным и наиболее, по-видимому, частотным значением аугментатива — это выражение коммуникативной выделенности объекта, о котором идет речь. Ср. еще пример, в котором речь идет о заведомо небольшом, но важном объекте:

- (3) *Nerabtəə mestə kəmə-bünü-nti, nüə-nə nani,*
 передний место взять-COND.FUT-2DU ребенок-GEN.1SG с
buločka-ʔa-đi-tə tədə-sudə-m.
 булочка-AUGM-DEST-ACC.2SG дать-FUT-1SG.S
 ‘Если первое место займете с дочкой, я тебе булочки дам’.

Помимо существительных, аугментатив очень часто употребляется с прилагательными, и здесь речь идет обычно не о высокой степени признака, но о его важности для характеристики объекта или для описываемой ситуации:

- (4) *Kou-đu ηəđu-tj, ηəđu-tə-bini-nti, təni ʔarʔaiʔ*
 солнце-3SG быть.видным-PRAES быть.видным-EMPH-COND.FUT-3SG так.только
dʔabaka-ʔa.
 красный-AUGM
 ‘Солнце видно, (но) хотя его и видно, оно такое красное’.

- (5) *Dʔirʔakəda-ʔa luu-đj.*
 ненецкий-AUGM парка-3SG
 ‘Ненецкая у него парка’.

Часто аугментатив с прилагательным употребляется при описании вновь появляющегося объекта и указании характеризующего его признака:

- (6) *Šiti ʔa kəi-də dʔigüʔ-ta-ʔa ηərta ʔa*
 с.двух.сторон сторона-ABL иметь.горы-PT.PRAES-AUGM быть.в.котловине-AUGM
turku-tə nənsu-ʔi-də.
 озеро-LAT встать-PF-3SG.R
 ‘У окруженного с обеих сторон высокими горами лежащего во впадине озера он остановился’.

Понятно, что такой характерный признак обычно является постоянным для данного объекта. Отсюда еще одно характерное употребление аугментатива — для выражения постоянного качества. Особенно заметно такое употребление при причастиях, которые в принципе могут обозначать и актуальное действие.

Причастие же с аугментативом чаще всего выражает характерный признак предмета или живого существа:

(7) *Tańd'a ʔa-ʔ, tańd'a ʔa-ʔ ɲana ʔsanə-ʔ mjad'i-ndi-ʔa-ʔ.*
 работник-PL работник-PL человек-PL пешком+ходить-PT.PRAES-AUGM-PL
 ‘Работники, люди-работники пешком ходят’.

(8) *Takəə ńodü ʔsanu ʔə-tuə Herta Saʔa kobtʰa ńi-ɲi-rə*
 тот сидеть.под.навесом-PT.PRAES X. C. девушка NEG-INTERR-2SG
ɲədü-ʔ, takəə bəhəd'ü-nda-ʔa ńi.
 видеть-CN тот болтать-PT.PRAES-AUGM женщина
 ‘В он X. C. девушка сидит под навесом (в санке), видишь, которая все время много разговаривает’.

Значение форм «причастие настоящего времени + аугментатив» по значению близко к хабиутальному, но все же отличается от него: если хабиуталисом передается просто обычное действие, то причастие в аугментативе характеризует своего субъекта. Ср. следующий пример, где употребляются обе формы:

(9) *Nagür kuəd'ümu ńüə-đi. Du ʔj-t'üŋ śiəl'aku. ńa-giti-tü*
 три мужчина ребенок-3SG один-3PL маленький товарищ-ABL.PL-3SG
śiəl'aku, bənti-güə-məŋi hojkur-a-ʔa. Duəlǰ əhǰ hojkir-ü,
 маленький снаружи-то-PROL бегать-PT.PRAES-AUGM конечно же бегать-PRAES
sanir-mümba-tu bənti-məŋi.
 играть-HABIT-PRAES снаружи-PROL
 ‘У него три сына. Один маленький. Меньше, чем братья, (но) на улице бегают [характеристика возраста]. Конечно, бегают, играет на улице [обычное занятие]’.

Форма причастия в аугментативе, исходно именная, может принимать финитные глагольные окончания, т. е. становится одним из наклонений. Более того, она образуется также от отрицательного глагола, который собственно причастия настоящего времени не имеет:

(10) *T'etʰa tuj-d'üəd'əə-ʔ ɲana ʔsanə-ʔ ńi-ntǰ-ʔai-ndəʔ ɲəmsu-tənu*
 совсем прийти-PT.PRAET-PL человек-PL NEG-PT.PRAES-AUGM-3PL.R мясо-LOC
bǰndəbtugu-l'i-ʔ.
 выпрямлять-PASS-CN
 ‘Совсем истощенных людей сразу не кормят мясом, чтобы оживить’.

Последнее употребление аффикса аугментатива, о котором здесь пойдет речь, — пейоративное. В нганасанском языке есть суффикс *-d'əə*, который в сочетании с существительным обозначает сломанный, вышедший из употребления предмет или его часть (*kəntə-d'əə* ‘старая, сломанная нарта’). Сочетание этого суффикса с «характеризующим» аугментативом (*-d'i'a* или *-d'a'a*) закрепилось в значении пейоратива:

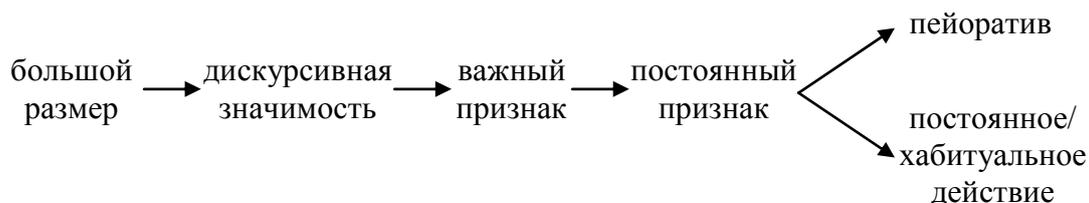
- (11) *Əi, nəŋhə bəjka[?]-d'i'a[?] tətʉ-ra-[?]i-də.*
 INTERJ плохой старик-PEJOR привести-PASS-PF-3SG.R
 ‘Этого бедного старика привели’.

- (12) *T'ai-t'iŋ d'əŋguj-hua[?] — Tərəd'i ŋəta-[?]a-[?] — h^uaaa,*
 чай-3PL отсутствовать-RENARR.INTERJ-3PL.S такой табак-AUGM INTERJ
belomorə-d'a'a.
 «Беломор»-PEJOR
 ‘Чая, говорят, нет, да? — Такие сигареты. — Фу, «Беломор»...’

Ни в одном из этих примеров нет значения «бывшести»: старик остается стариком, а «Беломор» еще не выкурен (речь идет об ассортименте поселкового магазина). Отметим также, что в примере (11) перед нами не пейоратив в буквальном смысле этого слова: говорящий оценивает старика не как плохого, а как бессильного, немощного, ослабевшего, что, соотносится и с употреблением прилагательных *nəŋhə* и *bəh'a* (оба значат ‘плохой’) для выражения бессилия, неспособности или неумения человека.

Отметим, что с прилагательными и причастиями употребляется только основной суффикс аугментатива *-a'a*. Более редкие суффиксы *-rba'a*, *-təə* и другие употребляются только с существительными, то есть покрывают только первые два значения на приводимой ниже схеме.

Мы можем предположить следующий путь развития значения суффикса аугментатива.

Список сокращений

ABL	аблатив	NEG	отрицательный глагол
ACC	аккузатив	NOM	номинатив
AUGM	аугментатив	PASS	пассив
CN	коннегатив	PEJOR	пейоратив
COND	условное деепричастие	PF	перфект
DEST	дестинатив	PL	множественное число
DU	дуалис	PROL	пролатив
FUT	будущее время	PRAES	настоящее время
EMPH	эмфатический показатель	PRAET	прошедшее время
GEN	генитив	PT	причастие
HABIT	хабитуалис	R	рефлексивное спряжение
INTERJ	междометие	RENARR	ренарратив
INTERR	интеррогатив	S	субъектное спряжение
LAT	латив	SG	единственное число
LOC	локатив		

The Affirmative and Related Features in Enets Morphosyntax

Though the double negation is a well known stylistic element in languages, the less known positive or stressed assertion as found in Enets and Nenets is broadly discussed in a contrarian but unsatisfying way and even far from being solved (cf. Bolina and Siegl). The item is a usual negation auxiliary (NEG.AUX) - actually serving for general negation(s) - rather used to "modally" affirm (reverse, i.e. assert) an obvious negated statement, mostly paraphrased with *ведь* (*уж(e)*) etc.) in Russian. This *ведь*-construction is supposed to be connected with special features in Enets (and even Nenets) which shall be evaluated in this paper, as the:

- formal aspects of the marker *m* ($\sim v \sim \underline{u} \sim u$)
- word order
- semantic aspects

followed by a discussion of selected examples out of the more than 470 ones of my data files. The complete collection of all examples concerned and a complete collection of all negation forms of Enets including used sources, their citation and the treatment of the material can be found on my Enets HP (http://www.nganasanica.de/enz_sources.pdf).

The paper includes an analysis of both stems of the NEG.AUX *ni-* in affirmative function and its semantic counterpart *bu'ni-* 'ведь не' as well as the modal-imperative (MOD.IMP) NEG.AUX stem *i-* which has to be combined with a special interrogative suffix (INTx) *-si/sa-* to take part in this construction, similar to *d'agu* 'not being/being absent/отсутствовать' (*d'ago-sa-u* 'or wasn't it/ли не было'). A further suffix (classified by Shluinskiy as probabilitive suffix (PROBx)) *-ta-* appears with *lođi-* (*lođi-ta-u* 'I can not ... /я не смогу ...') and other verbs, even the AUX *è-* 'to be/БЫТЬ'. Other negation related lexemes like the *koči-/kiči-* 'almost/nearly/чуть не' and verbs with negative semantics like *d'ekar* 'not knowing' etc. are not affected. The suffixed and unsuffixed forms are connected via an element *m* or *u*.

First of all the statements of Tereščenko, Sorokina, Shluinskiy and last but not least Siegl who has dealt with these forms up to now have to be quoted and checked in respect of the material found in other sources. As main problem arised Shluinskiy's assumption of a final glottal stop (GS) of the form *m'*, which might fit to Nenets but seems to be absent in Enets. The various forms of the Vx seem to differ even in respect to their structures. So Vx forms ending with a GS mostly show *m*, it changed its phonetical appearance without GS to *u/u/v*.

There are in principle two opposing solutions. Referring to the known phonotactics of Enets the (interior) Vx vowel could have been morphologically enlarged, as proposed by Tereščenko for Nenets/Enets. In case of *u* a "Consonantirung" of *u* to *w* as being stated by Castrén could be alternatively assumed. In case of *m* the reverse change from *m* to *o* ~ *u* could be possible as well, as the Enets *m*-stems suggest. For the moment neither of the possibilities $m \leftrightarrow u/u/v$ can be definitely excluded, but *m* would be harder to explain.

The relevant forms show a more morphologically influenced interrogative-exclamative (affective) motivation. It is obvious that the unsuffixed *ведь*-construction basing on NEG.AUX *ńi-* is rather a modally coloured affirmative and might have been regarded as stand-alone, unless there wouldn't be NEG.AUX.MOD=INTx *i-si-/i-sa-*. Unfortunately from the position of published texts a real contrast between *ńi-u(-)* and *i-si-u(-)* can not be evaluated. This can be stated for the word order as well:

parnèr torse oburiða [<*oburièa*] *tonèj* [Part.Prs] *ŋa^C ńi-u. nahava bāsida, torse tonèj* [Part.Prs] *isi-u ŋa^C* 'The witch was such things possessing - ain't. Her sharp iron, as (such) she was possessing - ain't / У ведьмы такая вещь имелась. Острая железка, такое имелось ведь.' <S:12,58-667.b=A2>

So *m/u/ŋ* is the only real link to the *ведь*-construction. In this context the exceptional form *iñā/iñī* 'of course' is syntactically anyhow involved as well and should be mentioned at least:

añ^N tèhe [<*tèhè*] *ŋa^C | ńi-u* [SK.Vx3s]. *i-ŋi-u* [OKs.Vx1s] *tudulu^C* 'Now it is this one. Of course I know him / Вон же ведь конечно узнаю.' <S:66,70-3340.b=G1>

kasar tukahoða, obuða, tukaða peri i-ŋa tonè^C. koruða ton[è] | è-ta-u. onèj èñči^N ña^C ńi-u 'The lad had of course always an ax or a thing of an ax (weapon?). He might have a knife. He was an Enets - ain't / У товарища топор-то, что-либо, топор всегда имеется. Нож имеется, очевидно. Энец ведь он.' <S:78,38-3854.b=A4>

References

- Castrén, Matthias Alexander (coll.) & Schiefner, Anton (ed.) 1854: *Grammatik der samojedischen Sprachen*. (Nordische Reisen u. Forschungen 7) St. Petersburg. — Repr. 1966: (Indiana University publications : Uralic and Altaic series 53)
- Shluinskiy/Šluinskiy = Шлуинский, А. В. 2010: «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка. // *Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике*, 279-291
- Labanauskas = Лабанаускас, Казис И. (сост./автор) 2002: *Родное слова = керна" базаба"* : энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы / онай энчу" бари", сюдобичу", дёречу". Санкт-Петербург [cited as <L: ...>]

- Siegl, Florian 2011: *Materials of Forest Enets* : an indiginous language of Northern Siberia. (Dissertationes Philologicae Uralicae Universitatis Tartuensis 9) Tartu : Univ. Pr. [The author's preliminary distributive version]
- Sorokina = Сорокина, Ирина Петровна & Болина, Дарья Спиридоновна 2005: *Энецкие тексты*. Санкт-Петербург: Наука [cited as ^{<S: ...>}]
(Net-publ. <http://iling.spb.ru/nord/materia/ency_tit.html>)
- & ----- 2009: *Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком: около 8000 слов*. Санкт-Петербург: Наука [cited as ^{<D2: ...>}]
- Sorokina = Сорокина, Ирина Петровна 2010: *Энецкий язык*. Санкт-Петербург : Наука
- Tereščenko = Терещенко, Наталья Митрофановна 1973: *Синтаксис самодийских языков* : простое предложение. Ленинград

Aspect in Selkup and Evenki: searching for a proper description model¹

In the paper the following issues are supposed to be discuss

- 1) alternative approaches to the description of aspectual derivation in Selkup²;
- 2) existing descriptions of aspectual derivation in Evenki;
- 3) development (choosing) a proper description model of aspectual derivation covering both Selkup and Evenki material, which could be used in typological researches as well.

The existing descriptions of Selkup aspectual derivation represent two alternative models, which could be characterized as ‘one-level’ model and ‘two-levels’ model.

The ‘one-level’ model was first applied to Selkup material by G.N. Prokofiev in his Selkup grammar [1935]; good reasons in favour of this model to be used for the Selkup data were given by L.A. Varkovitskaya in her dissertation on Selkup aspect [1947]. In the framework of this model Selkup aspect is described as a verb category comprising a set of meanings – additional characteristics of the action/state expressed by the verb stem – which are marked with respective suffixes; ‘primer’ verbs (stems without derivational affixes) are regarded as aspectually neutral (Varkovitskaya illustrates this neutrality with the following phrases [1947: 51]):

(1a) *Mačo-nty qən-n-a*
forest,SG-ILL go-PRS-3SG.SBJ
‘She went to the forest’.

(1b) *Nany qən-n-a*
long.time go-PRS-3SG.SBJ
‘She goes (walks) for a long time’.

In the ‘two-level’ model, primarily developed and traditionally used for the description of aspectual derivation in Russian and other Slavonic languages, the first level is represented by the obligatory (grammar) category of aspect comprising the opposition of perfective/imperfective verbs, so that each verb is either perfective, or imperfective, but . The second level covers a set of additional aspectual meanings (*Aktionsarten*), marked with special affixes, which can be added to the verb stem.

¹ The paper was prepared within the projects “A multimedia marked text corpus of West Evenki Dialects” supported by Russian Foundation for Basic Researches, grant 10-06-00532, and “Development of the web-site “Minority languages of Siberia as our cultural heritage (on the material of the languages of the Middle Yenisei and the Upper and Middle Taz basins)” supported by Russian Foundation for the Humanities, grant 12-04-12049.

² A brief analysis of the two approaches was presented in [Kazakevich 2008]; the paper develops some of the ideas of that publication.

The ‘two-level’ model was first applied to the Selkup material by E.A. Helimski and A.I. Kuznetsova in [Ocherki 1980], and since then this model was regularly reproduced in a series of descriptions of aspectual derivation in various Selkup dialects [Helimski 1993; Kuznetsova 1995; Bolsunovskaya 1998; Kuznetsova et al. 2002; Bekker, Helimski 2005].

In [Kazakevich 2008] it was suggested to return to the ‘one-level’ description (in the paper we’ll dwell upon the reasons for that) and in [Kazakevich 2010] this model was implemented in the Selkup grammar sketch.

In the existing descriptions of the Evenki aspectual derivation, [Vasilevich 1958; Konstantinova 1964; Gorelova 1979; Tsintsius 1997; Nedjalkov 1997; Bulatova, Grenoble 1999 etc.] the ‘two-levels’ model was never explicitly used, though in some works influence of this ‘Slavonic-centric’ model can be easily traced (see e.g. [Bulatova, Grenoble 1999]). We are going to discuss such cases.

Finally, comparing aspectual derivation in Selkup and Evenki (and quite a lot of parallels in the aspectual sub-systems of the two languages can be found) we’ll try to suggest a general approach to its analysis and description.

References

- Bekker, Helimski 2005 – Беккер Э.Г., Хелимский Е.А. Селькупский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия. Т. 3. М.: Наука. С. 18-28.
- Bolsunovskaya 1998 – Болсуновская Л.М. Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Томск.
- Bulatova, Grenoble 1999 – Bulatova, Nadezhda, Lenore Grenoble. Evenki / Languages of the World / Materials 141. Lincom Europa.
- Gorelova 1979 – Горелова Л.М. Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука.
- Helimski 1993 – Хелимский Е.А. Селькупский язык // Языки мира. Уральские языки. М.: Наука. С. 356-372.
- Kazakevich 2008 – Казакевич О.А. К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // Исследования по глагольной деривации. Сборник статей / Отв. Ред. В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов. М.: Языки славянских культур. С. 114-126.
- Kazakevich 2010 – Казакевич О.А. Селькупский язык (северное наречие, среднетазовский говор): грамматический очерк // Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. О.А. Казакевич. Екатеринбург: Изд-во «Баско». С. 270-352.
- Konstantinova 1964 – Константинова О.А. Эвенкийский язык. М. – Л.: Наука.

- Kuznetsova et al. 2002 – Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Грушкина Е.В., Хелимский Е.А. Учебное пособие для педколледжей и высших учебных заведений / Под ред. А.И. Кузнецовой. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение».
- Kuznetsova 1995 - Кузнецова Н.Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск.
- Nedjalkov 1997 – Nedjalkov I.V. Evenki. London: Routledge.
- Ocherki 1980 - Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М.: Изд-во МГУ.
- Prokofiev 1935 - Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Л.
- Prokofiev 1937 - Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский язык) // Языки и письменность народов Севера. Часть 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М. – Л. С. 91-123.
- Tsintsius 1997 – Цинциус В.И. Эвенкийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Издательство «Индрик». С. 267-284.
- Varkovitskaya 1947 – Варковицкая Л.А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Vasilevich 1958 – Василевич Г.М. Грамматический очерк // Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос.изд-во иностр. и нац. словарей. С. 639- 743.

Этнографические коллекции музеев Таймыра в формировании этнокультурной среды региона

В статье дана характеристика этнографических коллекций музеев Таймыра, включающих материал по традиционно-бытовой и духовной культуре коренных народов Таймыра и являющихся основой исследовательской и просветительской работы.

Ключевые слова: *малые коренные народы Таймыра, этнокультурная среда, музей, этнографическая коллекция, каталог.*

Достигнуть гармонии с природой и другими народами можно, лишь опираясь на исторический опыт своего народа. В России исторически сложился особый тип отношения к коренным народам, населяющим ее окраины. Русская общественная мысль выработала конструктивные принципы и подходы к решению национальных проблем, учитывающие специфику российской государственности и различия между европейским и азиатским культурными пространствами. В разные периоды истории они находили отражение в работах В.С. Соловьева, П.Я. Чаадаева, Е.Н. Трубецкого, А.С. Хомякова, Л.П. Карсавина, Н.А. Бердяева, П.Н. Савицкого, Д.С. Лихачева и других мыслителей и общественных деятелей. В их основе лежит уважение к глубинным слоям жизни народов. Каждый народ имеет свою духовную сущность. Он есть нечто большее, чем арифметическая сумма отдельных составляющих его лиц. Но чтобы это единство проявилось в действительности, народ должен осознать самого себя, иметь объединяющие его ценности. Именно это делает его народом в полном смысле этого слова, а не просто демократической популяцией людей с общими предками.

Рост самосознания важен, ибо он освобождает народы от подчинения национальным инстинктам, ведет к гармоничному развитию разных культур. Условием развития народа является сохранение его связи с родной землей и его открытость для внешних контактов (по выражению В. Соловьева «корни должны быть в земле, а цветы на воздухе»). Личность не может существовать без творческой активности. Поэтому народ всегда складывается не иначе как активный исторический субъект, как народ-производитель. Он может жить только в развитии и движении, остановка означает потерю устойчивости и разрушение. Однако такое движение является не отрицанием, а утверждением прошлого. Отсутствие творческой активности есть гибель, а источник этой

активности лежит внутри самого народа («свободу нельзя предписать из центра» - писал по этому поводу Н. Бердяев).

Образ жизни северных народов реализуется полностью или частично их собственными обычаями и традициями. В тройной зависимости – природы, истории и современной культуры – лежит ключ к пониманию путей сохранения как природного, так и культурно-этнического разнообразия Севера России. Однако сохранить это разнообразие невозможно, не создав в нашем обществе соответствующей этнокультурной среды, в которой могли бы свободно развиваться все культуры. Приоритетным становится сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций в рамках единого российского национально-культурного пространства.

В реализации такого подхода невозможно переоценить роль этнографических музейных коллекций, являющихся основой как исследовательской, так и просветительской работы. Наиболее полная в количественном и качественном отношении этнографическая коллекция, состоящая из вещественных, документальных и изобразительных материалов, представлена в Таймырском краеведческом музее (г. Дудинка). [1] Анализируя состояние коллекции, директор музея О.П. Корнеева делает вывод, что «наиболее глубокое и полное представление о традиционно-бытовой и духовной культуре дают коллекции предметов, характеризующие долган и нганасан. С различной долей широты они позволяют судить о характере и видах занятий, одежде, средствах передвижения, верованиях и т.д.» [2] Результатом серьезной исследовательской работы с предметами этнографической коллекции стали выпуски каталогов. [3] Экспонаты этнографической коллекции широко используются во всех видах музейной деятельности, но несмотря на это, значительная ее часть по-прежнему известна была лишь ограниченному кругу лиц. Издание же каталогов позволяет расширить рамки музейной коммуникации, сделать коллекцию более доступной для тех, кто интересуется историей и культурой коренных народов Таймыра.

Определенный интерес представляет этнографическая коллекция Музея истории освоения и развития Норильского промышленного района. [4] Несмотря на то, что коллекция этнографии народов Таймыра, раскрывающая разные аспекты культуры аборигенного населения, считается непрофильной, поскольку «подобные задачи на Таймыре призван решать окружной краеведческий музей в Дудинке» [5], в последние годы Норильский музей активно работает с этнографической темой. В этнографической коллекции наиболее полно представлена культура нганасан. Сегодня самый большой

раздел постоянной экспозиции «Территория» посвящен этому народу – первым металлургам Таймыра. [6]

Помимо государственных музейных собраний на Таймыре есть еще одна бесценная коллекция, связанная с традиционной культурой аборигенов. Это частная коллекция Олега Крашевского. Коллекционированием этнографического материала Олег Рейнгольдович увлекся, работая в НИИ Сельского хозяйства Крайнего Севера. Работа была связана с командировками по всему Таймыру. Во время поездок приходилось встречаться, работать, а иногда подолгу жить вместе с коренными жителями Таймыра: долганами, нганасанами, энцами, эвенками. «Знакомство с уникальной культурой произвело неизгладимое впечатление, - признается Олег Крашевский, - и со временем из праздного интереса переросло в нечто большее... Со временем появилась идея создания музея непосредственно на природе, и вскорости было найдено удачное место в экологически чистом районе в 150 км от Норильска, на озере Лама.» [7] Этот район – один из самых красивых на плато Путорана. Озеро окружено со всех сторон обрывистыми горами с многочисленными водопадами до 60 метров. Но решающее значение в выборе этого уникального места имело то, что оно является так называемым «местом силы», средоточием которой является Шайтан-гора. По рассказам, в этом районе издавна жили эвенкийские шаманы, выбор которых, конечно, был не случаен, а последняя шаманка доживала здесь свой век и камлала в 30-40-е годы XX века. Все это подтверждается устными преданиями и находками рядом с Шайтан-горой старых эвенкийских идолов. Первый идол был найден краеведом Станиславом Стрючковым у западного склона горы в 1998 году. Позже Олег Крашевский обнаружил недалеко от того места следы старого стойбища. В 2004 году у юго-восточного склона горы он нашел еще двух идолов и предположил, что это были остатки шаманских ворот, т.е. место камлания. Судя по состоянию древесины, возраст всех трех идолов одинаков и составляет примерно 120-150 лет. Такое место действительно как нельзя лучше подходит для хранения старинных вещей, особенно культовых. В 1998 году было начато создание частного природного парка «Путоранский», в рамках которого был создан Этномузей на озере Лама.

Серьезная работа по систематизации коллекции привела к выпуску каталогов, отражающих богатство собранного материала. [8] К настоящему моменту коллекция состоит более чем из тысячи экспонатов, отражающих все стороны жизни коренного населения Таймыра, в основном нганасан. Наибольший интерес представляют культовые предметы, семейные и родовые идолы, обереги, предметы шаманского культа и т.д. (около 140 предметов). Не менее интересна бытовая коллекция: оленья упряжь из мамонтового бивня оленьего рога, рога снежного барана и металлов (более 300 предметов, в т.ч. 50

с резьбой и инкрустацией), различные украшения (более 350 предметов), подборка уникальных курительных трубок из металла и мамонтового бивня и многое другое. В коллекции О.Крашевского имеются не только ритуальные вещи, бытовые предметы, но и превосходные произведения выдающихся таймырских художников: долганина Бориса Молчанова и нганасанина Мотюмяку Турдагина. Это дает возможность познакомиться с их творчеством, а через него с богатейшими художественными традициями коренных народов Таймыра.

Музей Олега Крашевского находится в труднодоступном месте, и коллекционер широко использует возможности Интернет-пространства. На его сайте [9] можно детально познакомиться с предметами коллекции в электронном каталоге.

Не остался в стороне от решения этнических проблем и заповедник «Таймырский». Одним из ощутимых шагов в этом направлении стало создание при заповеднике Музея природы и этнографии в сельском поселении Хатанга (1993 год). Его можно по праву назвать хранилищем предметов материальной культуры и историко-этнографического наследия долган и нганасан. Для укрепления и развития своеобразной культуры народов Восточного Таймыра в 2000 году при заповеднике «Таймырский» открылся Музей первой долганской поэтессы Огдо Аксеновой. [10]

Своеобразным хрупким мостиком к культуре малочисленных народов Таймыра является Норильский колледж искусств, а точнее Северное отделение колледжа, не случайно получившее это неофициальное наименование. В этом году отделение отметит свое тридцатилетие. Отделение декоративно-прикладного искусства и народных промыслов (именно таково его официальное название) было открыто в Норильском колледже искусств в 1982 году. Оно призвано было готовить национальные творческие кадры. Тогда у отделения не было практически ничего: ни собственного помещения, ни материалов для работы, ни конкретных учебных планов. Были только энтузиасты – норильские художники Александр Алексеевич Слесарев и Виктор Алексеевич Асадчиков, первые преподаватели изобразительных дисциплин. Первый набор студентов состоял из талантливой молодежи дальних поселков Таймыра (их было 8 человек), отобранной А.А. Слесаревым.

В 1983 году, окончив Красноярское училище имени Сурикова, приехала в Норильск долганка Елена Алексеевна Сотникова. С ее приходом определилась первая специализация отделения – «Художественная вышивка бисером, работа с кожей и мехом». Годом позже пришли на отделение Юрий Петрович Карачев и Сергей Николаевич Трухов – педагоги второй специализации – «Художественная резьба по дереву». В 1993 году, окончив художественно-графический факультет государственного педагогического университета им.

А.И. Герцена, вернулась в родные пенаты выпускница Северного отделения долганка Виктория Ануфриевна Попова. Накопив педагогический опыт, через некоторое время В.А. Попова осваивает еще одну специализацию отделения – «художественная резьба по кости». Основной задачей было обучение молодых представителей коренного населения Таймыра профессиональным навыкам художественного творчества. При этом необходимо было сохранить уникальные приемы обработки традиционных материалов: оленьих шкур, ровдуги, подшейного волоса оленя, оленьего рога и мамонтовой кости. В не самые благополучные для российского образования и культуры годы, когда многие учебные заведения «ударились» в поп-арт или попросту развалились, на далеком Таймыре развивалась уникальная школа, воспитанники которой получали академические знания. Благодаря тому, что во главу угла преподавателями ставилось сохранение традиций, а новые формы работы вводились очень осторожно, Северное отделение Норильского колледжа искусств стало одним из немногих образовательных учреждений культурного профиля в России, «удержавших марку».

На рубеже 80-90-х годов первые дипломные работы демонстрировали участники фольклорного ансамбля «Бускан» под руководством Нины Васильевны Кандрушиной. К сожалению, в связи с финансовыми трудностями ансамбль прекратил свое существование в 1999 году. Но благодаря энтузиазму Елены Алексеевны Сотниковой при отделении возник театр моды «Бараксан», продолживший популяризацию дипломных работ, созданных северянками. [11]

Изготовление одежды всегда было мерилем уровня мастерства северной мастерицы. В ее изготовление вкладывалась душа, знание древних обычаев. Людям Севера всегда было присуще живое чувство материала, вещи, бережное отношение к коже, меху, стремление работать в содружестве с природой, соединять в предметах пользу и красоту. Особое пристрастие к украшению одежды бисером питали долганы, передавшие свою любовь современному поколению. Бисер пришел к ним от далеких предков, менявших этот удивительно красивый материал у заезжих купцов. Поэтому, даже сегодня в бабушкиных сундуках можно найти ценнейшие образцы старинного бисера.

У любой аудитории работы северян вызывали восхищение и удивление: с одной стороны – верность художественным канонам, с другой – новые необычные решения традиционных изделий. Совершенно изумительные панно из кожи, меха, ровдуги, оказывается, тоже казались новаторством, чуть ли не прорывом. «На разных конкурсах мы себя чувствовали не очень уютно, - вспоминает Елена Алексеевна Сотникова. – Живопись всегда смотрелась более выигранно и солидно, чем наши работы: рукавички, украшения, скромно разложенные на столах. И тогда мы приняли решение: чтобы долганский узор,

который мы сумели сохранить в одежде, жил, его нужно «перенести» на плоскость. Так родилась идея орнаментального панно».

Таким образом, каждый выпускник колледжа овладевает особенностями формообразования, методами и приемами проектирования, исполнения в материале художественных изделий прикладного характера на основе традиций декоративно-прикладного искусства с учетом современных эстетических требований. Спустя 30 лет с момента возникновения Северного отделения Норильский колледж искусств выпускает специалистов среднего профессионального образования по специальностям «Художественная обработка дерева», «Художественная обработка кости», «Художественная вышивка», «Художественная обработка кожи» с квалификацией выпускника художник-мастер. В работах студентов Северного отделения продолжают жить старинные приемы обработки материала, символическое звучание национальных орнаментов, сохраняется дух предков коренных народов Таймыра. Накапливаются уникальные курсовые и дипломные работы, высоко оцениваемые на различных творческих конкурсах и выставках. Все чаще на защите дипломных работ звучит вердикт: «Большинство работ имеет музейную ценность». Идея создания при Северном отделении музея декоративно-прикладного искусства народов Таймыра воплотилась в жизнь. Фонды музея постоянно пополняются новыми работами.

Среди дипломных работ можно отметить, например, работу брата и сестры Молчановых (выпуск 2004 года). Первые уроки творчества ребята получили от отца – знаменитого долганского художника Бориса Николаевича Молчанова. В детстве он водил их в музеи, на выставки, учил рисовать. От своих родителей Борис и Люба восприняли трепетное отношение к родной земле, к тундре, к святыням долганского народа. «Я заметил: кожи отторгают все предметы или атрибуты, сделанные из материала чуждого, не свойственного жизни северян. У меня рождаются вещи, своим видом в какой-то степени напоминающие работы древних мастериц... Считаю, что это мой выход на истоки культуры моего народа. Я работаю с нюками – дублеными кожами для покрытия летних чумов. Причем использую именно старые нюки: дым костра успеваает закоптить их так, что от верха нюка до низа располагается целая гамма цветов и оттенков от черного до светло-коричневого. Прошедшая через несколько поколений, эта кожа несет в себе зов и душу предков и дает возможность откликнуться на этот зов», - утверждал Борис Николаевич. [12] И дети остались верны традициям. Их совместная дипломная работа - комплект одежды из ровдуги, доставшейся в наследство от отца и бережно сохраненной матерью. «Она несет в себе память тундровых костров и преданий, пахнет дымом родного очага, она впитала пот родных рук, - волнуясь, защищали совместный проект Люба Молчанова. – Дух отца, оставившего нам эту ровдугу, наверное, хотел, чтобы мы взяли за эту

работу. Потому мы называли ее «Зов предков». Головной убор, парка, обувь из разноцветных кусочков ровдуги составили необыкновенно гармоничную композицию, украшенную амулетами. Работа близнецов Молчановых впечатляет, убеждает: нет ничего более святого, чем поклонение предкам, чем долгая память о них, ведь они – корень жизни человека.

Многие выпускники Северного отделения в поисках сюжета обращались к своей памяти. Представительницы древнего малочисленного народа кето Людмила Масленникова и Ольга Ершова приехали в Норильск из Туруханского края. Людмиле хотелось воплотить в дипломной работе «Гагара» запавший в душу образ чернозобой гагары, которая почитается ее народом. Она видела старинные костюмы, украшенные изображениями этой птицы из металла, своя фантазия подсказала в рисунке орнамента рассказать о дальней дороге заповедной птицы.

Удивительная дипломная работа Марии Бету «Киэхэ Хырдык» («Вечерний свет») навеяна красивой и печальной долганской легендой о красавице Сулускан, рассказанной бабушкой. Мерцает в вечернем небе свет одинокой звезды Сулускан, не сумевшей соединиться с любимым на Земле и из последних сил взмывшей в Небо от злого колдуна. Маша попыталась передать в своей работе образ света. Алая верхняя часть вечернего наряда к подолу переходит в глубокий черный – таинственно ночной, как мерцающие звезды. Белая песцовая накидка на плечах – это охрана, тепло и свет надежды. По черному фону Маша вышивала белым бисером самый красивый долганский орнамент харбаннак – символ величия, красоты и женственности. Рукава – переплетения черного и красного бисера, символизирующих таинство соединения судеб на земле.

Дипломная работа костореза Николая Киргизова называется «Колыбельная родной земли». Это объемная композиция, которая изображает обычную ночь в тундре. Работа выполнена из рога оленя и кедра. Каким теплом и умиротворенностью веет от работы Николая. «Мне вспомнились чудные полярные ночи, - рассказывал он, - когда я с дедом ходил в тундру пасти оленей. Это было в конце августа, когда полярный день заканчивался, и наступала ночь, начинающаяся пурпурно-багряным закатом, плавно переходящим в лилово-бархатную ночь. На небе тихо вспыхивали сияющие звезды, а на мягкий теплый ковер из мха отбрасывали тени ветки кустов тальника. В уютных ложбинках меж невысоких холмов прилегли олени после долгого летнего дня, когда переходили из одного богатого выпаса на другой. Улеглись, прижавшись теплыми боками друг к другу, сонно похрапывая и прядая ушами, разгоняя назойливых комаров. Лишь только важенке не дает заснуть маленький теленок, требуя молока. Напоив меня душистым чаем, охая и кряхтя, мой дед прикорнул, опираясь на свою дорожную палку. Костер

догорал. Даже мой верный пес Оська перестал вилять хвостом, угомонился и положил мордочку на лапки. Он тоже набегался за день, защищая оленей от зверя и помогая деду собирать стадо. Только сейчас, спустя много лет, я понял, как я люблю тундру, свою родную землю. Теперь она мне кажется колыбелью, которая качала меня в детстве. Этим чистым, добрым воспоминаниям я посвящаю свою дипломную работу».

Объемная композиция Александра Клинга «Песнь о сбывшейся мечте» - одна из самых сложных. Мастер-косторез смело экспериментирует с деревом, бивнем мамонта и рогом оленя, используя объемную, прорезную, контурную резьбу. У этого мастера – нганасанские и немецкие корни. Он умудрился внутри чума разместить сценки из жизни тундровых народов. Это его призыв к добрым отношениям, основанным на доверии.

В последние годы на Северное отделение все реже поступают дети тундровиков. Но школа северного мастерства по-прежнему сохраняется. Об этом свидетельствуют работы студентов, пополняющие музейный фонд. Марина Пешкова – одна талантливейших учениц Е.А. Сотниковой. Участница многих конкурсов, вставок, конференций, она чрезвычайно волновалась, рассказывая о своей работе на защите диплома: «Необыкновенна тундра весной. Если на миг представить себя птицей и с высоты полета взглянуть на бескрайние просторы, то неведомый мир открывается нам во всем великолепии рассветного луча... На тундру сверху можно смотреть бесконечно. Так возникла у меня идея создания ансамбля одежды «Голубые глаза тундры». По признанию Марины, она с первого курса мечтала выполнить работу на тему жарков. Купила натуральную итальянскую кожу зеленого и оранжевого цвета. А на 4 курсе, когда нужно было приступать к работе, приснился Марине чудесный сон голубыми озерами и хрустальными водопадами. Проснувшись, она зарисовала чудное видение. И оно легло в основу дипломной работы, выполненной из натуральной замши коричневого и охристых оттенков, напоминающих весеннюю тундру, с которой только сошли снега... Для создания озер использована натуральная кожа голубого и синего оттенков, вышитая матовым и прозрачным бисером. Струящиеся водопады из стекла создают иллюзию движения воды. Бисерная нить оживает и соединяет в вечном движении непрекращающиеся потоки мелких речушек и голубых озер. Теперь и посетитель маленького музея Северного отделения может полюбоваться «зачарованным взглядом тундры, таким живым, лучезарным и вселяющим надежду и любовь» (по определению автора).

Процесс взаимодействия двух очень различных по размеру социальных общностей – малочисленных народов Севера, сохраняющих приверженность традиционным ценностям, и доминирующего большинства населения, в основном отрицающего традиционные ценности северных народов, можно

рассматривать как процесс коммуникации между двумя культурами. Наличие между ними большой культурной дистанции неизбежно включает механизмы социально-психологической защиты, при которых различия между культурами фиксируются как отрицательные стереотипы. Не понимая другую культуру, человек стремится минимизировать различия с ней. При этом отрицание межкультурных различий приходит в противоречие с фактами реальной жизни, вызывая рост негативных оценок и развитие разных форм агрессивного поведения (часто неосознанного) в адрес чужой культуры. Указанные процессы идут во всех сферах жизни, где происходит контакт между культурами. На Севере отрицательные последствия этого проявляются в диапазоне от пренебрежительного отношения к представителям коренных народов на бытовом уровне до принятия неадекватных традиционным культурам административных и хозяйственных решений, неизбежно эти культуры разрушающих, на государственном уровне. Положение могло бы измениться при переходе большинства населения от этноцентрического восприятия культуры северных народов к этнорелятивному, основанному на принятии существенности межкультурных различий и соответствующей адаптации к ним. Диалог культур предполагает знание партнерами друг друга. Грамотное использование этнографических музейных коллекций в просветительской работе – благодатная почва для установления диалога культур.

Учитывая изменившийся характер культурной коммуникации, связанной с развитием электронных средств массовой информации и медиальных технологий, сегодня можно говорить о все возрастающей необходимости более широко интегрировать визуальные средства в традиционную практику научной и просветительской работы музеев. Глобальная сеть стала важной частью культурной жизни в целом и жизни учреждений культуры в частности. Музеи постепенно включаются в этот процесс. Компьютер становится рабочим инструментом музейных работников. Идет стремительное освоение виртуального пространства. В последнее время не только за рубежом, но и в российской части всемирной паутины появляется все больше и больше сайтов, представляющих в Интернете музеи из всех российских регионов. Российские музеи участвуют в музейной ночи, приуроченной ко всемирному дню музея. Включаются в этот виртуальный мир и музеи Таймыра с их богатейшими этнографическими коллекциями.

Литература

1. www.taimyr-museum.ru/M1393
2. Таймыр: Материалы Международной научно-практической конференции «Биологические ресурсы Таймыра и перспективы их использования» / Под

- ред. д-ра биол. наук, акад. Петровской академии наук и искусств Н.В. Ловелиуса. – СПб.: Астерион, 2003, с. 332.
3. Каталог коллекций музея «Традиционная одежда коренных народов Таймыра» Выпуск 1. – Дудинка, 2006; Каталог коллекций музея «Предметы шаманского культа коренных народов Таймыра». Выпуск 2. – Дудинка, 2008.
 4. www.museum.ru/M1392
 5. Музей в промышленном городе: научная концепция развития Музея истории Норильского промышленного района/ Под ред. Н.А. Никишина. – М.: ИИП Диапазон, 1998.
 6. Бровкова Е.В. Древние охотники и металлурги – нганасаны (коллекция этнографии народов Таймыра) // Цветные металлы. – 2009. - №9. – С.21-27.
 7. Крашевский О. Этномузей на озере Лама // Таймырские чтения – 2007: сб. докладов / науч. ред. О.Н. Хакимулина; Норильский индустр. ин-т. – Норильск: НИИ, 2007, с.68.
 8. Этнографический музей на озере Лама. Нганасаны: коллекция шаманской атрибутики. – Норильск: Издательство АПЕКС, 2009; Этнографический музей на озере Лама. Нганасаны: коллекция одежды, обуви, предметов обихода. – Норильск: Издательство АПЕКС, 2010.
 9. www.putorany.ru
 10. Рудинская А.Д. Музей живого слова. – Томск: ПК «ТомСувенир», 2010, с.6-7.
 11. Сотникова А. Студенческий театр моды // Таймырские чтения – 2010: сб. докладов. Ч. 1 / науч. ред. О.Н. Хакимулина; Норильский индустр. ин-т. – Норильск: НИИ, 2010, с.162-173.
 12. Звезда Заполярья. Таймырский художник Борис Молчанов / Альбом. – М.: Издательство «Научно-производственное объединение «Полиграфивидео» совместно с А/О «Таймырпрессфото», 1995.

Лично-числовое маркирование нефинитных форм в лесном диалекте энецкого языка¹

Как известно, в энецком языке, как и в других самодийских языках, часть нефинитных форм глагола факультативно содержат в своей структуре указание на лицо и число субъекта описываемой ими ситуации. Если финитные глагольные формы присоединяют глагольные лично-числовые показатели (различающие субъектную, субъектно-объектную, медиальную серии), то в нефинитных формах используются именные лично-числовые показатели, те же, что в сочетании с существительными служат для выражения категории посессивности (см. [Сорокина 1981, 1986а]). Из работ по энецкой грамматике (см. в частности [Прокофьев 1937: 81-83], [Терещенко 1966: 444], [Сорокина 1986б: 62-63]) известно, что в морфологии энецкого существительного посессивность выражается синкретично с ядерным падежом. В [Ханина, Шлуинский, в печати] мы показали, что описательно достаточно различение у энецкого существительного двух ядерных падежей – именительного и косвенного – и, соответственно прямого и косвенного рядов именных лично-числовых показателей; полный их набор (для единственного числа существительного) приведен в Таблице 1.

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 дв.	2 дв.	3 дв.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
прям.	-jʔ, -b	-r	-za	-jʔ, -biʔ	-riʔ	-ziʔ	-aʔ, -baʔ	-raʔ	-zuʔ
косв.	-nʔ	-d	-da	-nʔ	-dʔiʔ	-dʔiʔ	-naʔ	-daʔ	-duʔ

Таблица 1. Энецкие именные лично-числовые показатели (лесной диалект).

Деепричастные нефинитные глагольные формы не различают ядерные падежи, следовательно, в них лично-числовые показатели из Таблицы 1 используются только для указания на лицо и число субъекта. Однако выбор лично-числового показателя прямого или косвенного ряда не задан единым образом для всех лиц и чисел субъекта всех нефинитных форм, а зависит и от самой нефинитной

¹ Основным материалом исследования послужил корпус текстов, подготовленный в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP).

(5) *kaʃi-nʲʔ* *nok kan'e-j* *ε-bu-nʲʔ* ...
 мужчина-PL.1SG к уйти-PTCP.ANT быть-CVB.IRR-OBL.SG.1SG
 'Поехать бы мне поближе к своим товарищам ...'

4. Локативные падежные формы номинализаций и причастий, использующиеся для образования обстоятельственных предложений, сочетаются с лично-числовыми показателями косвенного ряда:

(6) *ʃəjɾ-a-xazo-nʲʔ* *kɔdar-e-nʲʔ*
 пить_чай-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.1DU заснуть-M-1DU.M
 'Попив чай, мы уснули'.

(7) *budʲʔ* *kɔdʲʔ-za-xa-dʲʔ* *dʲʔzu-bi*
 они(двое) спать-PTCP.SIM-DAT.SG-OBL.SG.3DU идти.MULT-PRF.3SG.S
 'Пока спали, он приходил'.

5. Причастия, использующиеся для образования относительных предложений, при выборе именного лично-числового показателя для маркирования лица и числа субъекта могут использовать разные стратегии. Более частая стратегия состоит в том, что именной лично-числовой показатель выбирается в зависимости от синтаксической позиции определяемой именной группы по тем же правилам, что и для маркированного показателем посессивности существительного (см. подробнее [Ханина, Шлуинский, в печати]) (8)-(11). Здесь различаются два случая: либо лично-числовым показателем маркировано только причастие (8)-(9), либо и причастие, и определяемое слово (10)-(11) – в последнем случае можно говорить о своего рода согласовании по лицу и числу между причастием и определяемым словом, ср. [Рыжова 1982: 204]. Существенно более редкая стратегия состоит в том, что вне зависимости от синтаксической позиции определяемого слова используется лично-числовой показатель прямого ряда (12), в том числе если само определяемое слово содержит показатель косвенного ряда (13):

(8) *kare kɔmita-da-jʲʔ* *beʒi*
 рыба любить-PTCP.SIM-NOM.SG.1SG чир
 'Рыба, какую я люблю, – это чир'.

(9) *teza tɔɔ-j-nʲʔ* *sɛxeri mɛɔn kan'e-nʲʔ-eʔ*
 сейчас дойти-PTCP.ANT-OBL.SG.1DU дорога по уйти-CONJ-1PL.S/SOsg
 'Сейчас мы пойдем по дороге, по которой дошли (сюда)'.

(10) *kada-uda-jʲʔ* *ɔburu-jʲʔ* *oka nʲʔ* *ŋa-ʔ*
 унести-PTCP.POST-NOM.SG.1SG вещь-NOM.SG.1SG много NEG.3SG.S быть-CONN
 'Вещей, которые я повезу, немного'.

- (11) ... *buzidi-da-Ø* ... *sxoruj-d* *fita-d* *min*
 ... шевелиться-FUT-3SG.S ... зачерпнуть-PTCP.ANT-OBL.SG.2SG сито-OBL.SG.2SG в
 ‘... он будет шевелиться ... в сите, в которое ты зачерпнул’.
- (12) *u tza-duuj-r* ... *maxarka-ku* ... *kadara-buf*
 ты принести-PTCP.ANT.PASS-NOM.SG.2SG ... махорка-DIM ... попробовать-1SG.SOsg.PST
 ‘... махорочку, которую ты привез, ... я попробовал’.
- (13) *pənʰi-da-jʔ* *kədo-nʰʔ* *puja* ... *pε* *dʰez*
 делать-PTCP.SIM-NOM.SG.1SG санки-OBL.SG.1SG нос ... дерево к
tɛbu-ʔ *nʰi-uʔ*
 попасть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Нос саней, которые я использовал, ... ударился о дерево’.

Таким образом, в лесном диалекте энецкого представлены следующие стратегии лично-числового маркирования нефинитных форм:

- выбор прямого или косвенного ряда лично-числовых показателей в зависимости от синтаксической позиции (основная стратегия для причастий, использующихся для образования относительных предложений);
- использование лично-числовых показателей косвенного ряда (деепричастие условия, локативные падежные формы номинализаций и причастий, использующихся для образования обстоятельственных предложений);
- использование лично-числовых показателей косвенного ряда для 1 лица и прямого ряда для 2-3 лица (деепричастие одновременности, ирреальное деепричастие)³;
- использование лично-числовых показателей прямого ряда (периферийная стратегия для причастий, использующихся для образования относительных предложений).

Литература

- Прокофьев, Г.Н. 1937. Энецкий (енисейско-самоедский диалект) // Прокофьев, Г.Н. (ред.). *Языки и письменность народов Севера*. Ч. I. М. – Л.: Учпедгиз. С. 75-90.
- Рыжова, Е.Ю. 1982. Система причастий в северном диалекте энецкого языка // *Советское финно-угроведение* 18. С. 201-207.

³ Отметим, что существительные в единственном числе, как правило, используют для прямого дополнения противоположную стратегию – косвенный ряд для 2-3 лица и прямой ряд для 1 лица. См. подробнее [Ханина, Шлуинский, в печати].

- Сорокина, И.П. 1981. Зависимые предикаты с падежными формантами в энецком языке // Черемисина, М.И. и др. (ред.). *Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири*. Новосибирск. С. 138-148.
- Сорокина, И.П. 1986а. Энецкие конструкции с деепричастной ЗПЕ // Убрятова, Е.И., Литвин, Ф.А. (ред.). *Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем*. Новосибирск: Наука. С. 192-197.
- Сорокина, И.П. 1986б. Категория притяжательности в энецком языке // Черемисина, М.И. и др. (ред.). *Языки народов севера Сибири. Сборник научных трудов*. Новосибирск. С. 61-75.
- Терещенко, Н.М. 1966. Энецкий язык // Лыткин, В.И., Майтинская, К.Е. (ред.). *Языки народов СССР*. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука. С. 438-457.
- Ханина, О.В., Шлуинский, А.Б. В печати. Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания.

Г.П. Харючи

Хэбидя вада в тематическом словаре

В 2008 г. Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) была проведена 2-я международная конференция по самодистике, посвященная 100-летию Н.М. Терещенко. Список печатных научных работ Н.М. Терещенко включает свыше 80 названий, в том числе 6 монографий и 3 фольклорных сборника. Значительная часть работ посвящена словарному запасу и грамматическому строю ненецкого языка. Как отмечали участники конференции, особого внимания заслуживает деятельность Н.М. Терещенко по составлению словарей ненецкого языка: «Русско-ненецкий словарь» (соавтор А.П. Пырерка, около 15000 слов) (1948); «Ненецко-русский словарь» (около 8 000 слов) (1959); «Ненецко-русский словарь» (около 22000 слов) (1965), изданный в 1965 г. тиражом 2000 экземпляров. Этот словарь является сокровищницей уральских языков, уникальным по своей значимости, самым полным словарем ненецкого языка в мире. За сорок лет стал раритетом. Но благодаря Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа и при финансовой поддержке ОАО «Новатэк» было два переиздания в 2003, 2008 гг. по 2000 и 1000 экземпляров соответственно в издательстве «Просвещение».

В процессе научных исследований традиционной и современной культуры ненцев нам много приходится работать над терминами. Настольной книгой при этом является «Ненецко-русский словарь» Н.М. Терещенко (1965). Однако в словаре отражена не вся народная ненецкая терминология, обозначающая сакральные действия, и термины, связанные с погодой, охотой, рыбалкой. Для меня это стало особенно заметно при работе над монографией «Традиционные знания и почитание природы у ненцев» (в печати). Например, при переводе на русский язык сокращается объем передаваемой информации, уменьшается точность наблюдений за погодой. В исследуемой теме культовая лексика включает названия миров, знания об окружающей среде, части света и способы ориентации в пространстве, традиционные меры измерения, названия болезней, эвфемизмы, священные места, обряды, табуированные названия болезней, животных, культовые предметы и все, что касается шаманов и покойников.

В ходе работы над монографией у меня возникла идея включить в неё сакральную терминологию (связанную с культурами) тундровых ненцев, включая отсутствующие в имеющихся словарях. Со словарем Н.М. Терещенко могут работать знающие ненецкий язык, поэтому для удобства работы я решила включить ненецко-русский и русско-ненецкий словари.

В ненецком языке культовая лексика может быть обозначена словом *хэбидя' вада* – священные слова, в том числе и слова табу. При проведении обряда или

какого-нибудь ритуального действия, обычные слова, вещи и действия приобретают сакральный смысл.

Лексический материал, связанный с различными обрядами, отличается большим разнообразием, сакральностью и табуированностью.

Составление подобных словарей имеет важное практическое значение. Эти понятия и термины с ненецкого языка будут использованы при создании диалектологических словарей, войдут в другие научные и учебные издания.

Kai Donner's phonograph records of Kamas

The archive of dialects and related languages of Estonian at Tartu University (Tartu Ülikooli Eesti murrete ja sugulaskeelte arhiiv, see <http://www.murre.ut.ee/arhiiv/>) preserves under the no. SU0233 a tape with Kamas recordings made by Kai Donner in Abalakova in August 1914. Donner used a phonograph, recordings were preserved on wax cylinders. The present tape is a copy which was made in the late 1960-ies for Ago Künnap in Helsinki (cf. Künnap 1971: 13). The fate of Donner's phonograph cylinders, however, is obscure. At present, it is unclear whether they still do exist, where they are located, and how much of their content was actually saved.

The length of the Tartu file amounts to eight minutes and ten seconds. It contains four different text fragments by two different speakers, probably Donner's main consultants A. Andzhigatova (fragment 1–3), and I. Ashpurov (fragment 4). Fragments 1–3 clearly correspond to texts no. 8, 2, and 5, respectively, in KW (Joki & Donner 1944), however, they are not identical, but rather seem to be variants of these, cf. contrasting examples (1–2). Fragment 4 does not correspond to any of the texts in KW. Notably, the Kamas song, whose recording is reported in KW (op. cit: XL), is not part of the sound file in question.

The sound quality of the file is very poor, its transcription poses quite a challenge. However, it is clear that this material can be considered “new” Kamas text material. The paper presents the first results of a closer investigation.

- (1) Passage from text no. 8 (Joki & Donner 1944: 95; corrected, transcription simplified)

Kandə-ga. Kūrəs-pa nu-ga. Dī-m Kōčün-güd'ür tīl-le'bi (...)
go-prs cross-wood stand-prs dem-acc K.-G. dig-res.pst
'He goes on. There's a cross. Kōčün-Güd'ür digs it out (...)'

- (2) Corresponding passage from the phonograph recording (0.06–0.10)

Kandə-bi da kandəbi da krōs-pa nuga dī krōs-pa-m
go-pst and go-pst and cross-wood stand-prs dem cross-wood-acc
tīl-bi (...)
dig-pst
'He went and went, and there's a cross; he digs out this cross (...)'

References

- Joki, Aulis J. 1944. *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Lexika Societatis Fenno-Ugricae VIII. Helsinki: SUS.
- Künnap, Ago 1971. *System und Ursprung der Kamassischen Flexionssuffixe I*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 147. Helsinki: SUS.

Die Einbeziehung samojedischer „Befunde“ in die jukagirischen Studien

Blieben die Kenntnisse der jukagirischen Sprachen bis zu den Forschungen V. I. Iochel'sons im ausgehenden 19. und frühen 20. Jh. eher dürftig, und war das der Forschung zur Verfügung stehende Material auf mehr oder minder umfangreiche Vocabularien sowie sehr wenige und zudem äußerst knappe Texte beschränkt, so regte die vermeintlich „isolierte“ Stellung dieser Idiome – trotz der geringen Kenntnis derselben – die Forschung bereits im 19. Jh. dazu an, die jukagirischen Sprachen aus ihrer Isolation zu lösen und ihre „nächsten Verwandten“ ausfindig zu machen. Im Zuge der aufkommenden und kontrovers diskutierten „uralo-jukagirischen Hypothese“ wurde auch die Frage nach dem, resp. den möglichen Verhältnis(sen) der jukagirischen Sprachen zur samojedischen Familie gestellt. Sowohl Kritiker der uralo-jukagirischen Hypothese als auch ihre Verfechter (allerdings auch Forscher, die sich überhaupt nicht zu diesem Gegenstand äußerten) nahmen Stellung zu den möglichen oder angeblichen jukagirisch-samojedischen Sprachbeziehungen und deren Charakter (Urverwandtschaft oder Entlehnung?). Der Bogen läßt sich hierbei von dem Ural-Altaiisten Heinrich Winkler, über Verfechter der „uralo-jukagirischen Hypothese“, wie Björn Collinder oder Olivier Guy TAILLEUR, den Omnicomparatisten Karl Bouda, den Altaisten Karl Heinrich Menges, bis hin zu dem großen, bis zu seinem Tode in Hamburg lehrenden Samojedologen Eugen Helimski, der, wie K. H. Menges, zugleich als Vertreter der uralo-jukagirischen Verwandtschaft anzusprechen ist, spannen. Die Ansätze, Deutungen und Forschungsergebnisse der einzelnen Forscherpersönlichkeiten aus den vergangenen rund einhundert Jahren waren so unterschiedlich wie sie nur denkbar sind. In dem Vortrag sollen die wesentlichen Tendenzen der Rezeption samojedologischer Forschungen (vor allem zu den „externen“ Verwandtschaftsverhältnissen) in den jukagirischen Studien nachgezeichnet, und anhand einiger Überlegungen E. Helimskis sowie des Referenten selbst, künftige Felder für die Untersuchung der möglichen wechselseitigen Verhältnisse der beiden Sprachfamilien aufgezeigt werden.

Typologische Parallelen des Ketischen und Selkupischen unter arealem Aspekt¹

Vielseitige Beziehungen zwischen Jenissejer und Samojeden sind in deutlichen gemeinsamen Merkmalen der Annäherung von Selkuppen und Keten zu sehen. Das ist vor allem dadurch bedient, dass beide Ethnien gerne Mischehen schlossen, was im Ergebnis zum Bilinguismus in der Familie oder manchmal in einzelnen Siedlungen führte. Die Gemeinsamkeiten betreffen materielle und geistige Kultur von Keten und Selkuppen, darunter auch Schamanenattribute und kosmogonische Vorstellungen [Ivanov/Toporov 1964: 4,6].

Neben kulturell bedienten Parallelen gibt es lexikalische, morphologische und syntaktische Ähnlichkeiten. Nach V.V. Ivanov und V.N. Toporov ist im Ketischen und Selkupischen vollständige Isomorphie des Kasussystems zu beobachten [Ivanov/Toporov 1964: 6]. E. Helimski gibt eine reiche Anzahl von ketisch-selkupischen Wortparallelen, die auf die jahrhundertelange Symbiose von beiden Sprachen hinweisen [Helimski 1982: 238].

Das Ergebnis dieser Symbiose betrifft auch das Numerussystem im Ketischen und Selkupischen, was sich vor allem in der morphologischen Struktur von Grundzahlwörtern zeigt.

“Anfangs war das protojenissejische Rechensystem ... ein Fünfersystem, dem das Zählen an den Fingern zugrunde lag. Davon zeugen eindeutig die Numeralien von *eins* bis *fünf* und das Numerale *zehn* [Werner 2006: 174].

Im gegenwärtigen Ketischen sind die Zahlwörter von *eins* bis *sieben* und *zehn* einfach, ebenso wie im Selkupischen [Bykonja 2004: 162; Kuznezova ... 1980: 285], einige Beispiele sind darunter:

Zahl	Ketisch	Südselkupisch	Nordselkupisch
1	<i>qo ʔk</i> (AN) <i>qūs</i> (INAN)	<i>okər</i>	<i>ukkyr</i>
2	<i>ḥn</i>	<i>šede</i>	<i>šitty</i>
10	<i>qō</i>	<i>köt</i>	<i>köt / köty-</i>

Die Numeralien 8 und 9, 18 und 19 haben sowohl in der ketischen, als auch in der selkupischen Sprache eine besondere morphologische Struktur. Sie werden durch Subtrahieren aus 10 und 20 gebildet, das unterscheidet das Ketische und Selkupische von anderen Sprachen, die im Ob-Jenissej-Areal verbreitet sind:

¹ Dieses Forschungsproject wird von der Russischen Stiftung für Grundlagenforschung (RFFI 2011, № 11-06-00371-a) unterstützt.

8 = 10 – 2

(1) ket.

ḥnam¹ bən¹ 'saŋ² qō³

ḥn-am¹ bən¹ '-sa-ŋ² qō³

zwei-3INAN¹ NEG-NMZ-PL² zehn³

‘acht’

19 = 20 – 1

(3) ket.

qusam¹ bən¹ 'saŋ² e k̄³

qus-am¹ bən¹ '-sa-ŋ² e k̄³

ein-3INAN¹ NEG-NMZ-PL² zwanzig³

‘neunzehn’

(2) südselk.

šedə 'jädigö:t

šedə '-jädi_v-gö:t

zwei-fehlend-zehn

‘acht’

(4) nordselk.

ukkyr-ca-šittysar

zwei-fehlend-zehn

‘neunzehn’

Es gibt auch andere morphologisch ähnliche Züge im Bereich des Numerussystems, sie werden ausführlicher im Vortrag betrachtet. Es sei aber unterstrichen, dass während der Analyse folgende Tendenz festgestellt wurde: je größer die Zahl ist, je komplexer ihre Struktur ist, desto mehr Unterschiede zwischen den ketischen und selkupischen Zahlwörter sich erwiesen und mehr Allolexe in den beiden Sprachen vorkommen.

Nach einem Überblick schon oben erwähnten Parallelen werden im Vortrag ähnliche Züge im Bereich der Syntax präsentiert (und zwar der Wortfolge und kommunikativen Satzperspektive), was die Resultate der ketisch-selkupischen Symbiose deutlich demonstrieren soll.

Literatur

1. Bykonja V.V. Selkup numerals // Languages and Prehistory of Central Siberia / ed. By Edward J. Vajda. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2004. P. 161-169.
2. Ivanov V.V., Toporov V.N. Lingvističeskie voprosy etnogeneza ketov v svjazi s problemoj vhoždenija ih v tsirkumpoljarnuju oblast'. Moskva, 1964. S. 1-6.
3. Helimski E. Keto-Uralica, in: Ketskij sbornik. Antropologija, etnografija, mifologija, lingvistika. Leningrad: 1982. S. 238-251.
4. Kuznetsova A.I., Kazakevič O.A., Ioffe L.Ju., Helimski E.A. Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt. T. 1. M., 1980. C. 285-287.
5. Werner H. Die Welt der Jenissejer im Licht des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jenisseischen Protokultur. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden. 2006. 200 S.

Использование современного селькупского языка в новой сфере
(на примере Федеральных законов и законов ЯН АО. Салехард, 2008г.)

Попытки переводить законы и важнейшие государственные документы на языки народов Крайнего Севера делались неоднократно, начиная с 1930-х годов¹, чему предшествовала в 1920-е годы Приполярная перепись, позволившая уточнить численность и этнический состав населения районов Крайнего Севера. На селькупском языке «Федеральные законы и законы ЯНАО» были изданы в 2008г. в Салехарде. Однако «положения о приоритетном праве коренных народов на доступ к природным ресурсам территорий их проживания» [АФЗ РФ, с.4], были не только востребованы применительно к самодийским языкам, но и закреплены в Федеральных законах ЯН АО, начиная уже с 1990-х годов. Законы, содержащие перевод на селькупский язык самой Конституции Российской Федерации [ФЗ и законы ЯНАО, с.8-51], а также семь конкретных законов, Земельный кодекс и Постановление о концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯН АО, вышли в 2008г. В данной статье речь пойдет об использовании селькупского языка и о соотношении слов селькупских с русскими в опубликованных в 2008г. Федеральных законах и в законах ЯН АО. Будут рассмотрены слова, заимствованные из русского языка, но изменяемые по законам селькупской грамматики, а также выявлен круг слов, наиболее типичных для (условно говоря) газетного / делового стиля. Среди исконных селькупских слов обращает на себя внимание частотность одних при редкости употребления других слов в зависимости от сферы их употребления. Федеральные законы [АФЗ, с.98-103] о территориях традиционного природопользования, о факториях, оленеводстве, морзвербойном промысле, о собирательстве дикоросов, об образовании и т.д. дают возможность почувствовать специфику селькупской лексики. Устанавливаются наиболее характерные типы предложений, части речи (служебные слова, сущ., прил., глаг. и др.), типичные для всех публикуемых законов или характерные лишь для конкретного вида их, и т.п. Обращает также на себя внимание преобладание глаголов в форме настоящего времени, а причастий – в форме

¹ Письменность на латинской основе была введена в 1932г., когда вышел первый букварь Г.Н.Прокофьева *Jedej wada* «Новое слово» на ненецком языке. Переход на русский алфавит начался в 1936г., однако официальное постановление о переходе письменностей народов Крайнего Севера на русскую графическую основу произошло лишь 11 февраля 1937г.

прошедшего. 13 статей из Федерального закона от 22.08.2004 N 122-ФЗ утратили свою силу.

Переводы на селькупский язык Федеральных законов РФ нередко являются не буквальным переводом с русского языка, а передачей смысла того или иного закона с учетом специфики селькупской жизни. Русское название **статьи 3** «Сфера действия настоящего Федерального закона» (закон от 30.04.1999 №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ») в переводе с селькупского *Кут, ай куты чоты тап Федеральный закон энта* означает «Где и у кого этот Федеральный закон есть» (с.152), но никак не «Сфера действия...». Первой фразе в законе «О факториях ЯНАО» «Предмет регулирования настоящего Закона» соответствует «Тап Законҕын кай (вместо қай) нэқырпа» (букв. «В этом Законе что написано»). И далее: «Тап Законҕын намым нэқыркотын куттар государственный власти Ямало-Ненецкий автономный округҕын факториям пелтымбаты. нэқырпа қай эсы фактория», что по-русски соответствует фразе: «Предметом регулирования настоящего Закона является определение мер, направленных на государственную поддержку развития факторий органами государственной власти ЯНАО», но следует перевести «В этом законе так написано, как в государственной власти ЯНАО факториям помогают». По приведенным переводам видно, что переводчики прекрасно понимают смысл законов и делают перевод доступным для селькупов разного возраста, владеющих родным языком в разной степени. В законах о факториях (торговые поселения, склады) говорится о традиционных отраслях хозяйствования и традиционных промыслах, к которым относится оленеводство, рыболовство, охота, сбор дикоросов (а также продукция производства пушнины, мехового сырья, лекарственных растений и т.п.). Фактории осуществляют и другие функции: в них проводят профилактический медосмотр малочисленных народов, зооветеринарные мероприятия в оленеводческих хозяйствах и др.

Помимо содержательного рассмотрения ФЗ и Законов ЯНАО, следует сказать о лексике данной работы, написанной на селькупском языке. Всё время хочется спросить, какой язык превалирует в данной книге – селькупский или русский? Подсчеты показали, что селькупские слова преобладают (отношение русских к селькупским приблизительно 1 к 2). За счет чего такая пропорция? Политические термины (или иначе – газетная, деловая лексика) имеют высокую частоту встречаемости, что естественно для языка федеративных законов и что является заимствованиями из русского языка, в свою очередь позаимствовавшего их из многих других языков (в основном индоевропейских). Следует подчеркнуть, что вместе с тем, основной словарный фонд составляет бытовая лексика, к которой можно отнести и лексику специальную, подразумевая под ней наименования животных, рыб, растений и т.п. групп. В

результате встречаются постановления (правда, далеко не все), в которых русские по происхождению слова (как правило, они сами заимствованные) преобладают. Напр., в Постановлении от 23.02.2000 №866, с.207 «О концепции развития коренных малочисленных народов Севера ЯНАО» из 123 слов русские составляют большинство: 74 русских на 49 селькупских. Однако в целом служебные слова и бытовая лексика в анализируемых законах в основном исконная, селькупская.

Литература

- АФЗ – Анализ федерального законодательства РФ о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ на предмет соответствия международным стандартам. М., 2007. 132с.
- ФЗ и Законы ЯНАО – Федеральные законы и законы ЯНАО (на селькупском языке). – Салехард, 2008. 217с.

Socio-cultural change of Uralic language minorities in 20th-21st century Siberia, analyzed through Nenets life stories

Work on the project started from January 2011 as ORHELIA project research of the anthropology research team on oral history at the Arctic Centre, University of Lapland¹. During this period of time work was done to collect and analyze reference materials about oral history and its methods of work in social science, anthropology and sociolinguistics.

In April 2011 the preliminary field work was done in the northernmost tundra of the Yamal peninsula (Western Siberia, Russia) – due to its remoteness, a place difficult to reach for non-reindeer herders. The field site is 300 km away from the closest village by helicopter, without further road connections. It was even difficult to find transport to reach this area; we only did so by a charter helicopter, usually used to transport people to hospital. The trip was also planned during the winter period, as it is easier to travel long distances in the tundra by snowmobile in the winter, rather than in summer, when there is no ground transport.

The work conditions in tundra were rather severe - the fieldwork was done living with people in their nomadic tents (chum) close to their reindeer herds. This field experience was very extreme. It was also physically and intellectually demanding due to the harsh climatic conditions, absence of electricity, petrol, transport and accommodation. Without food, water or telephone connection during a snowstorm, we were forced to ask for help. Later came strong winter rains, which damaged maps as well as equipment. During this trip unique and rare information was collected about how people used to live during the early Soviet regime, during the beginning of collectivization, World War II, and after the collapse of the Soviet Union. We collected more than 31 interviews from people between the ages of 18 and 99 years; about 13 hours of digital recordings. The total number of respondents was 10. To access the interview partners, researchers had to travel 485 km on snowmobile, visiting 15 different nomadic camps, 2 Gazprom workers settlements and 3 villages. It was noticed that people are themselves interested in saving the knowledge and memories about their past (<http://arcticanthropology.org/2011/04/26/florian-stammlers-notes-from-field-in-yamal-april-2011/>).

Main topics of Nenets interviews:

¹ KONE foundation grant 2010, number 18-4665; KONE foundation grant 2011, number 27-6407 (Finland).

Old stories, about times before the revolution: Some people remember stories about how their grandparents used to migrate huge distances for trading, marriage and to look for better pastures and improved lives.

Mandalada, Nenets movement against collectivization process: The struggle of a small nation against an established empire. This movement had several waves but each was suppressed.

Time of collectivization, working in kolkhozes: People still remember the families who lost their reindeer, and where those reindeer are now.

War period stories: Stories about how hard people worked during the war time, to strengthen the country's defenses by providing to the army reindeer and seal meat, wild birds and fish.

Boarding schools: Although indigenous people of the Soviet Union were given an education for future professions, there are bad memories and negative associations about early times spent in boarding schools.

Reorganization of state collective farms, sovkhoses: Stories about the changing form of work in collective reindeer farms, nomads being relocated to live in villages.

Perestroika time: Stories about this time of change, during the late Soviet Union, and the breakup of state collective farms.

New Russia. Private collective farms: Business being done in the market, and adaptation to many changes in the tundra. For example, the building of a railway through the pastures.

Future of reindeer breeding culture and Nenets people: The traditional way of life helps to save Nenets culture, language, history, and gives hope for the future.

Most of the collected materials have already been analyzed, with short introductions about the context and information about the respondents. The project works with three languages: Nenets as the interview language, and Russian and English together as the analyzing languages. Some of the materials will also be translated into Finnish.

We can briefly say that the material which has been collected so far this year shows that Nenets culture has very rich memories about its past, during and after the Soviet Union, how they live with reindeer, where they migrated, and how the routes of migration were changed. Analysis also shows how family life histories are important for older and younger generations of Nenets. Cross gender boundaries were also noticed, as men can tell a lot about women's lives, and women about men's. This shows that with oral history as a method, it is still possible to make significant contributions to the history of the 20th and 21st centuries. It is important to collect information about the vanishing past before it becomes too late to understand the origins and developments of Nenets culture. It should be noticed that collecting oral history materials is only one of the ways to document changes in the society. Other methods should complement oral history, for example, fieldwork in participant observation, literature studies, and comparative analysis.

1) The anthropological part of the research shows the social and cultural change in Nenets society, which is quite visible, though not as prevalent in the practice of reindeer breeding. It was also necessary to focus on historical and ongoing transformations inside of Nenets' society structure. This was documented in various ways, including oral stories, personal life histories, and official information. Anthropological fieldwork also revealed how beneficial it is to record oral histories in the home environment of research, rather than in villages, where they are detached from the tundra. In this respect the hardships of tundra-based fieldwork were definitely worthwhile, considering the quality and authenticity of the material collected. The first analysis reveals the remarkable diversity of historical events. For example, for respondents of the northeastern Yamal coast, their memories of the Soviet state come mainly through their contact with soldiers in the outpost of Drovyanoy.

2) The sociolinguistic part of the research marked the process of linguistic change – when speakers of Nenets language choose to use linguistic aspects of the Russian language. When we did our field work it was easier, and also ethically correct to talk with reindeer herders in their native language. Therefore the collected interviews are mostly done in Nenets language. We organized three levels of language change amongst Nenets interview respondents: Level 1 - 55-99 years, elders mostly speak Nenets without any mixture of Russian language. Level 2- 45-20 years bilinguals, people who studied in boarding schools during the 1970s-1980s speak Nenets with Russian loan words, they are fluent in both languages. Level 3 - 18-8 years- young people speak Nenets for the most part, though their language of education is Russian, and they can speak it fluently. Most Nenets who live in settlements and towns do not speak their native language. Their children do not speak Nenets at all. The situation is better with the Nenets who still live in the tundra. Their traditional way of life helps to preserve their native language. It also preserves traditional knowledge, as well as cultural and historic knowledge. This is why oral history work should focus on the tundra – however difficult the conditions may be.

Summary

The first year of the project shows that significant progress has been made, particularly considering the extreme difficulties in data collection. In order to successfully complete this work, the material has to be analyzed in-depth, based on this year's annotation. This can be seen as a first screening of topics. The last step after in depth analysis will be processing for publication. The annotated interview index shows how broad the field of research is, and how much is still to be done. After the first results of this research we can say that Nenets collective memory is one important aspect of the national identity of Nenets nomadic society. The oral history collected offers an interpretation that differs from written sources, which mostly focus on states, institutions, and authorities with the perspective from capital cities.

No one is able to stop the process of social, cultural and linguistic change, but Nenets people provide a good example of how traditional knowledge can be saved, and preserved for the next generation.

The North has always been the periphery of the South. All changes which happened in the Central part of Russia slowly reached the Northern parts. Nonetheless, people in the Yamal tundra do not consider themselves as a periphery. For them the center is so distant and from their point of view it is like a periphery to the North.

Reference sources

1. Maynes, M.J. (2008) *Telling Stories: The use of personal narratives in the Social Science and History*. Cornell University Press.
2. *Social Memory and History. Anthropological Perspectives*. (2002) Edited by J.J.Climo & M.G.Cattell.
3. *The Oral History Reader*. (2008) Edited by R. Perks & A. Thomson. London and New York.
4. Vansina, J. (1985) *Oral Tradition as History*. Wisconsin.
5. Azbelev, S.N. (1964) *Sovremennie ustnie rasskazi. Problemi sovremennogo narodnogo tvorchestva. Russkij folklor IX*. M-L. 122-177.
6. Simpkins, M.A. (2010) *Listening between lines: Reflections on listening, interpreting and collaborating with aboriginal communities in Canada*. *The Canadian Journal of Native Studies* XXX, 2 (2010): 315-334.

On the Typology of the Northern Samoyedic wh-words

The content questions are typically used in a discourse when the speaker misses an element of a given statement and assumes that the hearer knows this required information. So, the speaker requests the hearer to share this unknown piece of missing information with him which is expressed by specific interrogative substitutes (i.e. question words).

In my presentation I will provide a comparative typological classification of question words in Northern Samoyedic languages. These languages (as a universal language characteristic) have a restricted set of interrogative words. I will describe the formal, semantic and functional characteristics of these question word sets.

As question words belong to a restricted set with a finite number of items, for the formal classification it is enough to list the items of the set and describe their grammatical features (eg. inflection, derivation). Following Cysouw's (2004) classification I will define the formal categories of Northern Samoyedic question words (such as analyzable, unanalyzable, etc.).

Furthermore, I will focus on the semantic parameters of question words like eg. person, thing (animacy), selection etc. I will also describe the possible ambiguities within the set of Northern Samoyedic question words (eg. Tundra Nenets *ŋamke*: THING vs QUALITY).

Within the frame of the functional categorization I will classify them according to parts of speech (eg. noun, adverb, etc.). Besides, I will define those constituents of the sentence that can be asked by a question words in Northern Samoyedic languages.

References

- Cysouw, Michael 2004. *Interrogative words: an exercise in lexical typology*. Presentation at "Bantu grammar: description and theory workshop 3", ZAS Berlin, 13 Februari 2004. Handout available at <http://email.eva.mpg.de/~cysouw/pdf/cysouwQUESTION.pdf>

N. Mus

Is there a dedicated subject position in Tundra Nenets simple clause?

The basic word order of a language can be defined by the relative order of three constituents of the clause (i.e. the subject, the object and the predicative verb). The grammarians of Tundra Nenets traditionally describe the language as being a rigid SOV language. Consequently, these descriptions define the position of the subject in clauses with unmarked order as sentence initial.

In my presentation I will answer the question whether this sentence initial position is dedicated to the subject element of the clause or this position is a mixed one where another (eg. topicalized) element can also appear.

In my corpus-based analysis I will follow Holmberg's (2012) method as I will (i) fix the structural position of the subject, then (ii) define those subject elements that can appear in this position, finally (iii) test whether any other clausal element can appear in this structural position (and if yes, which categories and how).

Конструкция «количественное числительное > 2 + существительное» в самодийских языках

Изначально одной из основных задач нашего исследования было рассмотрение и изучение конструкций с количественными числительными (> 2) в диалектах селькупского языка и выявление правил согласования количественных числительных (> 2) с именем существительным и глаголом. Но в процессе работы мы пришли к выводу, что конструкции с числительными в уральских языках являются богатым материалом для разработки методов сравнительно-исторического синтаксиса.

На материале диалектов селькупского языка проблематика употребления количественных числительных и имени существительного частично описана Е.А. Хелимским [ОЧСЯ 1980:370] и Н.Г. Кузнецовой [Кузнецова 1995:181]. Неоднородность согласования Е.А. Хелимский и Н.Г. Кузнецова объясняют тем, что в селькупском языке существуют два типа согласования грамматическое и семантическое. Но, ни Е.А. Хелимский ни Н.Г. Кузнецова не формулируют правил, по которым выбирается тот или иной тип согласования. Поэтому нами была предпринята попытка анализа всех текстов из архива А.П.Дульзона (по южным и центральным диалектам), ОЧСЯ и полевых материалов, любезно предоставленных О.А.Казакевич (по тазовскому диалекту), с целью выявления всех возможных стратегий согласования существительных и глаголов с количественными числительными.

На основании анализа всего фактического текстового материала по диалектным группам селькупского языка, полученные нами результаты можно представить в одной таблице:

Конструкция с количественным числительным (> 2) + существительное и глагол	таз.	нарым.	тым. (центр)	иван.	тым. (юж)	кет.
сущ. PL гл. PL	-	+ (одуш)	+ (одуш)	-	+ (одуш)	-
сущ. PL гл. SG	+ (одуш)	-	-	-	-	-
сущ. SG гл. PL	+ (одуш)	+ (одуш)	-	+ (одуш)	-	+ (одуш)

сущ. COR+PL гл. PL	+	-	-	-	-	-
сущ. SG гл. SG	+	+	-	+	-	+
сущ. SG (косв. падежа)	+	+	+	+	+	+
сущ. PL (косв. падежа)	-	-	-	+	-	-
				(‘дети’ <i>ełmad-ла</i> и ‘рубли’ <i>мунг-ла</i>)		
Исключения:	одуш. сущ. DU гл. SG/PL	-	сущ. <i>ола-Уа- м-дът</i> PL косв. п.	сущ. (‘камни’ <i>пы-ла</i>) PL и глагол SG	сущ. SG и глагол SG (1 пример)	-

Опираясь на результаты приведенные в таблице, возможно реконструировать следующие стратегии, которые были характерны для праселькупского языка:

- имя существительное сочеталось с количественным числительным в форме SG и PL;
- в конструкциях с количественным числительным глагол мог иметь два числа: SG/PL; форма глагола PL возможна только при согласовании с одушевленными существительными в NOM;
- форма глагола SG могла быть как с одушевленными так и с неодушевленными существительными;
- существительное SG косвенного падежа.

Следовательно, имя существительное, независимо от падежа и принадлежности к одушевленным предметам, могло сочетаться с количественным числительным (> 2) как в SG, так и в PL. Примечательно, что принадлежность имени существительного к одушевленным предметам сказывалась на числе глагола. Так форма глагола PL зафиксирована при согласовании только с одушевленными существительными в прямом падеже.

Архаичность употребления глагольной формы PL при согласовании с одушевленными существительными в этой конструкции подтверждается и данными других самодийских языков. Для сравнения и сопоставления стратегий согласования существительных и глаголов в конструкциях с числительным были привлечены уже имеющиеся данные по энецкому, нганасанскому и ненецкому языкам [Терещенко 1947; 1956], а также

материалы, любезно предоставленные специалистами, занимающихся полевыми исследованиями северно-самодийских языков (М.К.Амелина – ненецкий, А.Б.Шлуинский – энецкий, В.Ю.Гусев - нганасанский).

Итоги анализа примеров данной конструкции в самодийских языках:

сущ./глагол	нганасанский	энецкий	ненецкий	праселькупский
SG/SG	+	+	+	+
SG/PL	+(одуш)	-	+(одуш)	+(одуш)
PL/PL	+(одуш)	+(одуш)	-	+(одуш)
сущ.SG косв. падежа	-	+	+	+
сущ.PL косв. падежа	-	+	-	-

Для прасамодийского языка реконструируются следующие стратегии согласования в конструкциях с числительным (>2):

- одушевленное существительное PL + глагол PL;
- существительное SG + глагол SG;
- одушевленное существительное SG + глагол PL;
- существительное SG косв. падежа

В северосамодийских языках любое имя существительное могло принимать формы как SG, так и PL. Общей, с праселькупским языком, является закономерность: глагольная форма PL зафиксирована при согласовании с одушевленными существительными.

Сравнивая типы конструкций в финно-угорских языках с прасамодийскими стратегиями, можно попробовать реконструировать прауральские стратегии согласования существительного в этих позициях:

	SG	PL
Финно-пермские и венгерский языки	+	-
Обско-угорские языки	-	+(в хант)
Прасамодийский язык	+	+

На основании вышепредставленных данных можно предположить, что в прауральском языке в конструкции с количественным числительным (> 2) были представлены две стратегии согласования существительных: SG, которая сохранилась в финно-пермских, венгерском и самодийских языках и PL, которая сохранилась в обско-угорских и самодийских языках.

Литература

Кузнецова Н.Г. 1995, Грамматические категории южноселькупского глагола. Издательство Томского университета. Томск. 286с.

Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект 1980, Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. М.: МГУ, Т.1. 408 с.

Терещенко Н.М. 1947, Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. Ленинградское отделение. Ленинград. 270с.

Терещенко Н.М. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев. М., Л.

Сокращения

таз – тазовский диалект

нарым – нарымский диалект

иван – иванкинский диалект

тым – тымский диалект

кет - кетский диалект

Семантика глаголов колебательного движения в ненецком языке

0. Введение

Группа глаголов колебательного движения в типологическом ключе была впервые исследована в статье [Рахилина, Прокофьева 2005], где производился ее сопоставительный анализ в русском и польском языках. В качестве значимых параметров для русского языка были выявлены мягкость / жесткость объекта, наличие точки отсчета при колебании (т.е. нейтрального положения, в которое объект возвращается в процессе движения — например, у пламени свечи или поверхности болота), а также параметр неустойчивости по причине деформации для глагола *шататься* (ср. *зуб шатается, забор шатается*); для польского — амплитуда колебаний, параметр неустойчивости и топологический тип колебательной ситуации (горизонтальный / вертикальный объект, движение маятника, колебание на опорной поверхности, мелкие колебания всех частей объекта и т.д.). Эта работа была продолжена Т. В. Велейшиковой, которая в статье [Велейшикова 2010] исследовала глаголы колебания в английском и немецком языках. Нами было исследовано данное поле в финском языке, где наиболее значимыми оказались параметры одушевленности объекта, его мягкости, горизонтального / вертикального расположения объекта в пространстве, а также равномерности и направления колебания [Шапиро (в печати)]. Материал по ненецкому языку был собран в ходе работы с информантами, проживающими в с. Белоярске (ЯНАО), по типологической анкете, составленной с учетом данных по всем рассмотренным ранее языкам. В ненецком языке было выявлено около 20 глаголов, входящих в данное семантическое поле, но в этой работе будут кратко охарактеризованы лишь основные из них, составляющие ядро системы.

1. *mənc^ora-*, *məncabt'o-* и *məncadər-*

Эти три глаголы образованы от основы *məncə-* ‘шевелиться’, не зафиксированной отдельно в изучаемом говоре, но отмечаемой в словарях. Сложность их описания заключается в том, что они не обнаруживают отчетливой «привязки» к определенной зоне анкеты, а могут употребляться различными информантами как более или менее дефолтные при описании колебаний различной природы. При этом одни носители предпочитают глагол *mənc^ora-*, а другие — *məncadər-*; ограничения на их сочетаемость нуждаются в дополнительном изучении. Глагол *məncabt'o-* обозначает в первую очередь колебания, вызванные каким-либо внешним каузатором: чаще всего — стихийным (трава, дерево от ветра, земля при землетрясении), но в некоторых

случаях — одушевленным. Про люльку можно употребить и глагол *tənc^ora-*, и *təncabt'o-*, однако в первом случае она раскачивается как бы сама по себе, а во втором — ее задела или специально качнули. Такое поведение глагола *təncabt'o-* отчасти объясняется его морфологической и семантической структурой: он является стативным дериватом от каузатива *təncabta-* ‘пошевелить’.

2. *púqlar'o-*

Данный глагол также является стативным дериватом, он описывает колебания воды (волны) и мягких вертикальных поверхностей, происходящие под действием ветра (корень *púq-* значит ‘подуть (о ветре)’).

3. *ləbna-*

Глагол *ləbna-* характеризуется очень специфической областью употребления: он описывает достаточно интенсивные и частые колебания мягких поверхностей, расположенных в вертикальной плоскости (подол одежды, сохнувшие вещи, нюк, полог, флаг). В подобных ситуациях также допускается глагол *púqlar'o-*, но информанты указывают на отличие в значении: во втором случае движение «мягче», т.е. с бóльшим периодом колебаний, а также может быть более разнообразным, не строго в вертикальной плоскости. Очевидно, что семантическая структура глагола *ləbna-* образована несколькими связанными между собой признаками, однако важно, что в ней выделяется типологически релевантный параметр мягкости объекта колебания, ранее обнаруженный в русском и финском языках.

4. *piŋker-*

Данный глагол описывает колебания, предусмотренные назначением соответствующих объектов. Чаще всего такими объектами оказываются предметы на подвесе: люлька, качели. Этот же глагол используется по отношению к ребенку в люльке, на качелях. При этом употребление глагола *piŋker-* применительно к висячему котлу, качающемуся оттого, что его случайно задела, невозможно, поскольку котел в норме раскачиваться не должен. Таким образом, главным компонентом этого глагола оказывается именно функциональная значимость колебания, что следует и из некоторых других его употреблений, уже не связанных с подвешенными объектами: например, он допускается применительно к креслу-качалке.

5. *saqje-*

Глагол *saqje-* употребляется исключительно по отношению к одушевленным субъектам. Исходно описывая нетвердую походку пьяного, усталого или

больного человека, чаще всего он употребляется в значении ‘бесцельно бродить’ (причем как буквально ‘бродить’, так и ‘ничем не заниматься, быть не при деле, вести бродячий образ жизни’) и может относиться к животным (бродячая собака). Подобный тип переноса отмечается и в других исследованных языках. Важно отметить, что этот глагол всегда маркирует некоторое отклонение от нормы: так, он не может описывать ходьбу утки, которая переваливается с боку на бок в нормальном состоянии. Такой набор компонентов значения (одушевленность + отклонение от нормы) релевантен и для некоторых глаголов финского языка.

6. Заключение

На примере системы, представленной в ненецком языке, подтверждаются выводы о типологической значимости параметров мягкости объекта, его расположения в пространстве и одушевленности. Интерес представляет параметр функциональной обусловленности колебания, пока не обнаруженный в других языках.

Литература

- Велейшикова Т. В. Глаголы колебания: семантика и типология: (на материале германских и славянских языков) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2010, № 7. С. 55–60.
- Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // *Язык. Личность. Текст*. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. / Ред. В. Н. Топоров. М., 2005.
- Шапиро М. М. (в печати). Семантика глаголов колебательного движения в финском языке // Сб. ст. к 80-летию А. И. Кузнецовой.

The counterfactive mood NEG.AUX-ŋi as an example of language change

Among the many moods in Forest Enets, the counterfactive mood is among the moods for which little textual evidence is available in recordings of the last generation of speakers. Therefore it could not be covered adequately in my initial description of Forest Enets morphosyntax (Siegl 2011). However, this mood is frequent in narratives of the deceased parental generation transliterated during subsequent fieldwork in summer 2011. As the mood is located in the border area of mood and evidentiality, it awaits a closer investigation. In my contribution I will try to shed some light on the morphosyntax and the meaning potential of this category, especially as a narrative strategy. The decline of this mood seems to suggest language change via language attrition, a topic not covered in my initial description of language change in Siegl (2008).

Siegl 2008 = Сигл, Флориан 2008. Изменения в языке лесных энцев. Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 6 (58). Уральские языки севера Сибири. Салехард. 3-12.

Siegl, Florian 2011. Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia. *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 9. Tartu: Tartu University Press.

On the question of valency-changing derivations in Tundra Nenets

0. Introduction

The paper contains some separate observations on various valency-changing derivations in Tundra Nenets rather than a consistent description of their system. First of all, it is necessary to say that Tundra Nenets is chiefly a transitivity language. About two-thirds of 31 verb pairs discussed in [Haspelmath 1993] express a causative vs. non-causative alternation in Tundra Nenets with means of causative morphology, i.e. in most cases there is a direct correlation between morphological and semantic complexity.

1. Causatives. There are no less than 5 different markers of a causative in Tundra Nenets: -TA-/-TyE-, -RA-/-RyE-, -PTA-/-PTyE-, -RӨPTA-, and -QXӨPTA- (in their morphophonological representations). The last is generally used as a declarative causative; e.g. *səwu-l-kəbta-* ‘begin to consider Q good’. The derivation is totally unproductive: there are about two dozens of such verbs in [Salminen 1998]. Usually, this affix applies to stems containing the inchoative marker *-l-* (and the last does not modify the semantics of the derivation stem but rather the semantics of the whole verb).

The causative markers -TA-/-TyE- and -PTA-/-PTyE- usually combine with intransitive stems. The difference between them is that -TA-/-TyE- applies to predicates whose sole participant is unagentive, and -PTA-/-PTyE- does not have such restrictions. -RA-/-RyE- and -RӨPTA- occur with intransitive as well as transitive verbs, and the semantic distinctions between these affixes are not clear.

The number of verb pairs (or threes) derived from the same stem is small and does not allow of a conclusion to be drawn although in some cases the difference between such verbs is rather clear (so, for example, *ŋæda-ra-* ‘let go; send’ implies that the Causee has a greater degree of volition than in the case of *ŋæda-bta-* ‘let go; send’).

Apart from factitive and declarative meanings various causative markers may also express associative (*yadela-* ‘carry’ < *yader-* ‘walk’) and conversive (*temta-ra-* ‘sell’ < *temta-* ‘buy’) meanings but there is also no correlation between a certain marker and a certain meaning. The number of indirect synthetic causatives is small, and none of the affixes is specific for this type of the meaning. In general, the system of causatives looks rather lexicalized than semantically motivated.

There are no other valency-increasing derivations in Nenets. The affix *-rka-* which is usually called “comparative” in the literature has rather an attenuative meaning and may not be used in a comparative construction.

2. Valency-decreasing derivations

There are several ways to detransitivize verbs in Tundra Nenets. Firstly, a verb may move to the category of alteration verbs in *a* or *o* (in the terminology of [Salminen 1998]); the semantics of this derivation is described in [Gusev 2010].

Secondly, a verb may change its agreement pattern; so, many stems are ambitransitive and may be used both as transitive and intransitive. The use of the reflexive conjugation presupposes deagentivization and further decausativization of a given verb, i.e. it totally removes the initial subject (Agent / Cause) from the syntactic and semantic structure, and the situation is viewed as spontaneous. Verbs which are marked with reflexive conjugation in Tundra Nenets may describe naturally reciprocal events ('meet'), naturally collective actions ('gather'), non-translational motion ('turn', 'bend'), changes in body posture ('sit down', 'lie down'), 1-participant emotion middle ('be glad'), spontaneous change of position ('fall') and some other meanings subsumed under the middle domain in [Kemmer 1993].

There is also a special decausative marker *-rə-*, e.g. *yeka-rə-* 'untie (intr.)', but it is totally unproductive. Valency-decreasing devices include the passive in *-ra-* which is also the case of unproductive word-formation. It is derived only from certain transitive stems, although it may be derived from some intransitive stems (e.g. *soya-ra-* 'be overgrown (with)' < *soya-* 'be born'), and its use often leads to narrowing of meaning or other types of semantic change. There are also instances of "double passives", e.g. *xa-da-ra-ra-* < *xa-da-ra-* 'come to be killed', and their meaning in some cases differs from that of the ordinary passives. Some of these "double passives" may be also treated as simple passives derived from causatives that no longer exist in the language.

Facilitative meaning is expressed by the durative participle (cf. the possibility of a passive interpretation of the durative which is observed for Taz Selkup in [Kuznecova et al. 1980: 220–221]). The construction does not allow expression of the Agent (as opposed to the passive) and lacks a progressive interpretation.

There are also derivations that normally modify both the aspectual and the argument structure of the verb. For example: 1) *-ŋko-* is applied only to transitive stems and combines imperfective and deobjective functions (what is typologically common); 2) *-ŋkə-* is usually called "iterative", it may be applied to intransitive as well as transitive verbs; in the last case it removes the first participant (Agent) from the syntactic structure.

References

- Gusev V. 2010. Stativy i dekauzativy na *-w v samodijskix jazykax. In: Burkova (ed.) *Materialy III meždunarodnoj naučnoj konferencii po samodistike*. Novosibirsk: L'ubava, 2010. Pp. 54–65.

- Haspelmath M. 1993. More on the typology of inchoative / causative verb alternation. In: Comrie & Polinsky (eds.) *Causatives and transitivity*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 87–120.
- Kemmer S. 1993. *The middle voice*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Kuznecova A., Xelimskij E., and Gruškina E. 1980. *Očerki po sel'kupskomu jazyku: tazovskij dialekt*. Vol. 1. Moscow.
- Salminen T. 1998. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

The theoretical basis of a Diachronic Cognitive Onomasiological Dictionary of the Nganasan Language¹

The aim of the paper is to introduce the theoretical basis of a diachronic cognitive onomasiological online dictionary of the Samoyedic languages. The main focus is to compile the section of the Nganasan language. Since the relations of the word forms and their meanings are classified by formal and semantic/cognitive points of view, the existing diachronic and synchronic lexicographical programmes do not relate to this project. These classifications allow different and complex search and browse capabilities, which will provide easy access to the dictionary. Building the section of Nganasan will create a “historical thesaurus” of the Nganasan language. Once the Lexicographical Program is created, the database can be extended in several directions (e.g. as regards the number of the languages, lexemes, concepts, semantic domains, etc.). The classification of the relations between lexemes requires basic research such as etymological and areal linguistic study. The systemizing of the classifications could result in new discoveries relating to the modeling of lexical pathways.

The primary goal of the dictionary is to classify the cognitive and formal relations of the lexemes and concepts, and to systematize and interpret the classification:

lexeme 1 (L1)	concept 1 (C1)
lexeme 2 (L2)	concept 2 (C2)

(L1 = source form, L2 = target form, C1 = source concept, C2 = target concept)

Where C1 is in cognitive relation with C2, L1 is in formal relation with L2. We must classify both the cognitive relation (C1>C2) and the formal relation (L1>L2), then systematize the classifications of concepts and forms. At last we will classify the pathways: the kind of tendencies (universal, culturespecific etc.) that can be established.

The following informations of a lexeme should be contained:

- (1) lexeme (form): language; parts of speech; morphological structure; opacity; literature (sources); comments (e.g. frequency of the forms; certainty of the etymology etc.).
- (2) concepts (< semantic domains)

¹ The project (2012-2015, K100854: Diachronic Cognitive Onomasiological Dictionary of the Nganasan Language) is supported by OTKA Hungarian Scientific Research Fund.

(3) pathways: source forms of; source concepts of / target form(s) of; target concept(s) of

- classification of the cognitive link (contiguity, similarity, partiality, contrast etc.)
- classification of formal relation of the two forms (source and target): compound, derivation, conversion, loan etc.

The dictionary can be applied to numerous linguistic subdisciplines such as diachronic onomasiology, and semasiology (Blank 2001). In the last 20 years the traditional onomasiology got fresh impulse by the development of cognitive semantics (Štekauer, 2005). This statement is shown in the foundation of Onomasiology Online (by Joachim Grzega). Research from the DECOLAR project [University of Tübingen, SFB441: Linguistic Data Structures: On the Relation between Data and Theory in Linguistics, 1999–2008 – first of all by Peter Koch and Andreas Blank, B6 project: Lexikalische Motivation im Französischen, Italienischen und Deutschen (LexiTypeSyn)], Dirk Geeraerts's works (Geeraerts 1997, 2010), research on the English historical lexicology (Christian Kay, especially Kathryn Allan 2007), and the Virtual CogLab in Moscow (<http://virtualcoglab.cs.msu.su/index.html>), Koch and Blank emphasize in many places that the diachronic cognitive onomasiology has numerous advantages in contrast to the traditional etymological researches. Namely, "it enables us to discover material that is interesting independently of any etymological relationship. In this way we can postulate a potentially polygenetic evolution within one and the same language family" (Koch 2008: 109).

I plan to analyze the cognitive relations (and cognitive motivations) by the works of Grzega (2002, 2004), Blank (2001), and Koch (2001). The basis of the classification of the forces (processes) is Grzega's work (2004), and Blank's work (2001). The system of the semantic domains of the Nganasan language can be created based on these systems.

Besides the classification, the most important feature of the dictionary is the possible complex search and browse. Here are some examples for multiple searches with the five main components being: language / lexeme / concept-domain / relation / process):

- A) Nganasan (Enets, Nenets etc.) forms where the source concepts belong to COLOR;
- B) Cognitive relations where the formal process is caritive derivation;
- C) Metaphorical relations where the target form is X; etc.

References

- Allan, Kathryn 2007: *Metaphor and Metonymy. A Diachronic Approach*. Publications of the Philological Society 42. Wiley-Blackwell.
- Blank, Andreas 2001: *Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology*, [www.metaphorik.de 01/2001].
- Geeraerts, Dirk 1997: *Diachronic Prototype Semantics*, Oxford, Clarendon Press.
- Geeraerts, Dirk 2010: *Theories on Lexical Semantics*. Oxford, Oxford University Press.
- Grzega, Joachim 2002: Some aspects of modern diachronic onomasiology, *Linguistics* 44, 1021–1045.
- Grzega, Joachim 2004: *Bezeichnungswandel: Wie, Warum, Wozu? Ein Beitrag zur englischen und allgemeinen Onomasiologie*. Heidelberg: Winter.
- Koch, Peter 2001: Lexical typology from a cognitive and linguistic point of view, in Haspelmath, Martin – Ekkehard König – Wulf Oesterreicher – Wolfgang Raible (Hrsg.): *Linguistic Typology and Language Universals = Handbook of Linguistics and Communication Science* 20/2, Berlin, Mouton de Gruyter, 1142–1176.
- Koch, Peter 2008: Cognitive onomasiology and lexical change. Around the eye. In: Vanhove, Martine (ed.), *From Polysemy to Semantic Change = SLCS* 106. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins. 107–138.
- Štekauer, Pavol 2005: Onomasiological approach to word-formation, in Štekauer, Pavol – Rochelle Lieber (eds.): *Handbook of word-formation = Studies in Natural Language and Linguistic Theory* 64, Springer, 207–232.

Трансформационные процессы у среднеобских селькупов в 1920-1930-е гг.

1. Этнокультурные изменения в среде среднеобских селькупов стали очевидны с середины XIX в. Исследователи отмечали наличие в их культуре достаточно устойчивых элементов русской традиционной культуры. Это, прежде всего, касалось сферы хозяйственных занятий и домостроительства. Наиболее подвержены нововведениям оказались обские селькупы, которые проживали в непосредственной близости (культурной контактной зоне) с русским населением и селькупы р. Кеть. Согласно материалам М.А. Кастрена, обские селькупы уже владели навыками строительства изб русского образца, содержанием домашнего скота и лошадей. Нововведения проникали и в сферу охоты и рыболовства селькупов. Так, постепенно стал появляться неводной и сетевой методы рыболовства, в охотпрактику внедрялось огнестрельное оружие. В начале XX в. важным фактом ассимиляции селькупов стала практика межэтнических браков селькупов и русских.

Между тем, существенных изменений в функционировании традиционной культуры селькупов не наблюдалось вплоть до конца 1930-х гг.

2. Трансформационные процессы, затрагивающие основы культуры селькупского этноса, ярко проявились в конце 1920-х–1930-е гг. Они связаны с перестройкой (преобразованием) всех жизненно важных сфер общества.

3. Селькупы, наравне с русскоязычным населением, были втянуты в систему огосударствления всех сфер деятельности народа, во всеобщую систему государственного строительства, учета и контроля. Сохранить свою моноэтничность в таких условиях было крайне сложно, практически невозможно, даже несмотря на ряд мер, предпринимаемых правительством и местными властями к сохранению самобытности этноса. Если в начале 1920-х гг. перед среднеобскими селькупами еще сохранялось право выбирать/не выбирать новые экономические и идеологические условия, то в 1930-х гг. этого права у них уже не было.

4. Изменения в традиционной культуре селькупов также были вызваны рядом инновационных сдвигов, отражающих специфику исторического развития общества 1920-1930-х гг., и, главным образом, интересы советского государства. Проникновение инноваций 1920-1930-х гг. в любую подсистему этноса (например, в рыболовство) неизбежно затрагивало и другие подсистемы культуры в силу их тесной взаимозависимости. Заметным изменениям в это время подверглись те сферы жизни селькупов, которые были оптимально адаптированы к их социально-историческим и природным условиям. Можно

говорить о том, что именно в 1920–1930-е гг. начался процесс этнокультурной трансформации селькупов.

5. Определяющими культурную трансформацию факторами в данный период выступали: уровень социально-экономического развития среднеобских селькупов, конкретная историческая обстановка, природная среда обитания селькупов и её изменения.

6. Сама эпоха 1920–1930-х гг., противоречивая во многих отношениях, не могла способствовать сохранению традиционного уклада жизни коренных народов Сибири. Среднеобские селькупы, как и большинство народов Сибири, попали под мощный пресс советской экономической и идеологической машины, они не смогли сопротивляться угрозе потере своей идентичности.

7. В тоже время, очевидно, что в данную эпоху проходил естественный процесс приспособления селькупов к новым, более жестким с периода начала русского освоения Сибири, социально-экономическим условиям существования. Селькупский этнос (единный социальный организм) инстинктивно использовал внешние условия, какими являлись реалии 1930-х гг., для поддержания своих внутренних отношений, своей целостности. В их среде срабатывал (в который уже раз!) механизм самосохранения. Только принимая предлагаемые новые правила коллективной, общественной жизни, адаптируясь к ним в условиях социальной борьбы, можно было рассчитывать на выживание.

Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой

Ангелина Ивановна Кузьмина – лингвист-селькуповед, посетившая с исследовательскими целями фактически все диалектно-локальные группы селькупов (о ней см.: Тучкова, Хелимский, 2010). Обширный архив материалов по селькупскому языку, собранных ею в этих поездках, хранится ныне в Институте финноугроведения Гамбургского университета.

Наибольшую долю в записях составляют тексты, которые можно разделить на три категории: фольклорные тексты, бытовые рассказы и переводы. Общее количество записанных фольклорных текстов 79 единиц (71 сказочный текст и 8 песен). Среди этого корпуса текстов 17 ед. – это тексты с участием героя It'a и/или Людоеда-Пёнеге(ссе)/Лос (См. Прил. 1).

Тексты записаны от 10 информантов: Тобольжиной Фионы Фёдоровны (1911 г.р.) (5 текстов), Тобольжиной Марии Романовны (1911 г.р.) (1 текст), Пидогиной Марины Павловны [1890 г.р.] (1 текст), Сутарева Василия Григорьевича [1903 г.р.] (3 текста), Кондакова Николая Измайловича [до 1920 г.р.] (1 текст), Белозёровой Акулины Григорьевны [?] (1 текст), Киликейкина Фёдора Николаевича [1891 г.р.] (1 текст), Кусамина Максима Ивановича (1919 г.р.) (2 текста), Кусаминой Полины Михайловны [1927 г.р.] (1 текст), Нериной Светланы Трофимовны [1957 г.р.] (1 текст). Из данного перечня следует, что все информанты (кроме Нериной С.Т.) – представители поколения, рожденного на рубеже XIX – нач. XX вв., выросшие в традиционной культуре и являющиеся как носителями селькупского языка, так и фольклорной традиции.

О диалектной принадлежности записанных текстов можно сказать следующее: в основном они представляют южноселькупский диалектный ареал (12 текстов) (7 – среднеобской диалект; 5 – верхнекетский говор кетского диалекта). Североселькупский диалектный ареал представляют 4 текста, и центральноселькупский диалектный ареал – 1 лаконичный текст.

Анализ сюжетов этих текстов позволяет выявить следующий набор характерных эпизодов для «Итя-сказок»/ «Итя-чаптэ»:

- Прологовые эпизоды: «косоглазые караси» (текст 1.4) / вариант: «след матери» (1.6, 1.7) ;
- Завязка сюжета: «ловушка-дразнилка» (1.4, 1.10, 1.5, 1.6); вариант: ловушка – расщелина дерева (1.15);
- «сюжет о проглатывании людоедом Ити»: варианты: Итя-маленький (Калабокка), шумел, оставшись один дома» (1.8, 1.9); Пенегуссе – сильный шаман, шаманские духи приносят Итю и бросают в отверстие чума (1.12); Итя освобождается с помощью ножа из брюха людоеда;

- «Людоед идёт в дом Ити, с намерением съесть его с матерью» (людоед поскальзывается на разлитой перед домом рыбьей чешуе) (1.5);
- «Людоед садит Итю в свой кузов и несёт домой» (Ите убежал из кузова) (1.4);
- «Итя нашел в амбаре у Пенегессе девушку (она стала его невестой)» (1.7);
- «Итя превратился в птицу(ястреба-мышелова) и поймал Лоса в ловушку-петлю (Лос ехал на лодке с двумя дочерьми)»;
- «Ите добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу» (ему помогают необычные братья (массу) и сёстры (патшиянгне)) (1.11);
- «Охота Ити на Лося и уход с ним на небо» (1.1, 1.2, 1.3);
- «Итя посещает Старика – хозяина рыб и зверей (получает комок творящей шерсти)» (1.13);
- «Мнимое убийство Итей своей бабушки и её «чудесное» оживление с помощью ножа» (1.16, 1.17);
- «Итю пытаются утопить в мешке в море» (1.16, 1.17);
- «Итя во время сватовства смешит отца невесты (рассказывает смешную историю о том, как его укусила щука)»
- Финальный эпизод: «Родственники Ити сжигают Людоеда (его тело становится комарами)» (1.8).

Ряд этих сюжетных тем или вариантов отмечена впервые (Для сравнения – обзор известных эпизодов и сюжетов с героем Итя и Людоедом см.: Тучкова, 2005. С. 98–99).

Таким образом, данная коллекция «Итя-сказок» представляет собой, действительно, редкое и ценное собрание как своими количественными характеристиками (17 текстов, большинство из которых являются образцами полноценно развернутого сюжетного действия), так и качественными показателями (эти тексты записаны на разных диалектах селькупского языка от носителей, хорошо владеющих своим языком; как правило, почти все тексты имеют построчный перевод и комментарии собирателя).

В наибольшей степени эти тексты характеризуют южноселькупскую фольклорную традицию, и, прежде всего, среднеобской и кетский (верхнекетский) диалектные ареалы. При этом, если все исследователи, работавшие со сбором селькупского фольклора, традиционно отмечали район Верхней Кети как «Карелию самоедов» (К. Доннер, 1997. С. 148), то среднеобской ареал впервые представлен столь качественными записанными текстами с героем Итя (практически все сюжеты Ф.Ф. Тобольжиной и М.П. Пидогиной не имеют буквального повторения в записях иных собирателей и рассказчиков).

Все эти тексты существенно дополняют уже имеющиеся в распоряжении исследователей сюжеты и позволяют более аргументировано говорить как о локальной специфике в функционировании данной фольклорной традиции, так и о сюжетном «ядре», характерном для всех диалектных групп селькупского этноса.

Литература:

- Доннер К. Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 145–162.
Тучкова Н.А. «Эпос об Итте» у южных [и центральных групп] селькупов // Mikola-konferencia 2004. Szeged, 2005. S. 95–111.
Тучкова, Хелимский, 2010 – Tučkova N., Helimski E. Ueber die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina. HFSM. Band 5. Hamburg, 2010.

Прил. 1

Тексты с героем Итя

1. «Итя гонит лося»

Band 9 Heft 10 : 6-8*

Информант: Тобольжина Ф.Ф., 1911 г.р., м.р. – Тибинак (Обь)

2. «Итя гонит лося» (опубл.)

Band 18 Heft 8 : 174-176

Информант: Сутарев В.Г. (61 г.), м.р. - Лосиноборск (Верхняя Кеть)

3. «Итя гонит лося» / «Лосиная полка» (опубл.)

Band 6 Heft 1 : 20-24

Информант: Киликейкин Ф.Н. [1903 г.р.], м.р. Горелый Яр (р. Чузик).

4. «Про Идю»

Band 25 Hefte 6: 121-143, 7: 144-146

Информант: М.П. Пидогина (м.р. Конерово)

* Нумерацию «томов» и тетрадей из архива А.И. Кузьминой см.: Inhaltsverzeichnis der selkupischen Materialien von Angelina Kuzmina // Tučkova N., Helimski E. Ueber die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina. HFSM. Band 5. Hamburg, 2010. S. 35–77.

5. «Итя и Альдига»
Band 9 Neft 1 : 263-274
Информант: Тобольжина Ф.Ф., 1911 г.р., м.р. – Тибинак (Обь)
6. «Итя и Альдига»
Band 9 Neft 9 : 1-5
Информант: Тобольжина Ф.Ф., 1911 г.р., м.р. – Тибинак (Обь)
7. Итя и Альдига [Итя нашел себе невесту]
Band 9 Neft 18 : 655-657; 19: 658-669; 20: 670-674
Информант: Тобольжина Ф.Ф., 1911 г.р., м.р. Тибинак (Обь).
8. «Калабokka и Пёнегесса»
Band 9 Neft 20 : 674-682
Информант: Тобольжина Ф.Ф., 1911 г.р., м.р. Тибинак (Обь).
9. Пёнеге [Нельзя шуметь, а то Пёнеге съест!].
Band 10 Neft 3: 56-62
Информант: Тобольжина М.Р., 1911 г.р., м.р. – Иванкино (Обь).
10. «It'е» [Липкая ловушка]
Band 18 Neft 6: 128-129 (без перевода)
Информант: Белозерова А.Г.
11. «It'е добывает Отца-Рыбу-Мать-Рыбу»
Band 18 Neft 8 :177-187, 9: 188-205 (опубл.)
Информант: Сутарев В.Г. (61 г.), м.р. - Лосиноборск (Верхняя Кеть)
12. «It'е и Пюневельде»
Band 18 Neft 10 : 206-227 (опубл.)
Информант: Сутарев В.Г. (61 г.), м.р. - Лосиноборск (Верхняя Кеть)
13. [«Итя живёт на червяном мысу»] / [Итя и Старик]
Band 26 Neft 5: 105-121, 6:122-125 (опубл.)
Информант: Кондаков Н.И., м.р. - Кеть-Енисейский Водораздел (по Каналу)
14. „Тырша-ко-ира и Ичик-ичика“
Band 1, Neft 17 : 345-354
Информант: Нерина С.Т. (8 лет), м.р. Красноселькупск (Таз)

15. „Ичекычека в шкуре ястреба-мышелова“

Band 31 Heft 9 : 176-185, 204

Информант: Кусамин М.И., 1919 г.р., м.р. – Фарково

16. «Ичекичика обманывает *Кол'цак Ира* с помощью ножа и собаки»

(текст записан только по-русски)

Band 31 Heft 9 : 186-204

Информант: Кусамин М.И., 1919 г.р., м.р. – Фарково

17. «Ичакечика обманывает *Кол'сако Ира*»

Band 32 Heft 4 : 80-99

Информант: Кусамина П.М. м.р. – Вангутихи (около Туруханска)

Кочевой образ жизни и сохранение родного языка ненцами Ямала в XX - первом десятилетии XXI века¹

Ненцы принадлежат к самодийской группе уральской языковой семьи и относятся к коренным малочисленным народам Севера. Самая многочисленная этнографическая группа ненцев проживает в Ямало-Ненецком автономном округе (26435 чел.), более половины которых ведет традиционный кочевой образ жизни. Современные этнографические и статистические материалы свидетельствуют о росте численности ненцев на Ямале, числа кочевых хозяйств и поголовья оленей у них с начала 1980-х гг., служа косвенными доказательствами положительной динамики их развития [Волжанина, 2010. С.80; Южаков, 2005. С.102-103]. Ненецкий язык называют наиболее благополучным среди народов Севера в конце XX в. [Аксянова, 2001. С.11, Вахтин, 2001. С.60, 162].

В данной работе мы рассматриваем языковую ситуацию среди ненцев Ямала и ее изменения на протяжении XX - начала XXI в., зафиксированные в материалах всеобщих переписей населения. Необходимо отметить, что в рассматриваемый период для ненцев характерны те же самые этносоциальные процессы, что и для остальных народов Севера, а именно рост доли городского населения за счет выходцев из сельской местности, повышения образовательного и профессионального уровней, распространения смешанных браков. С 1939 по 2002 гг. доля ненцев в составе населения Ямало-Ненецкого округа уменьшилась с 29,3 до 5,2%. Повышение образовательного уровня, вовлечение в нетрадиционные сферы занятости, появление новых городов на Ямале способствовало росту численности городских ненцев, доля которых увеличилась с 1,5 в 1939 г. до 13,7% в 2002 г.

В начале XXI в. конкурентоспособность ненцев с русскими по уровню образования значительно выросла по сравнению с серединой XX в. Если в 1959 г. 0,1% ненцев имели среднее общее образование, то в 2002 г. – 18,1%. В начале XXI в. 40,6% городских ненцев имели среднее и начальное профессиональное образование. У 75,2% ненцев, проживающих в сельской местности, зафиксировано общее образование.

Изменение образования повлекло за собой трансформацию структуры занятости, в которой с конца XX в. наряду с традиционными занятиями

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

представлены различные современные виды деятельности. В 2002 г. процент лиц, занятых в отраслях традиционного природопользования, составил только 57,2%. Новые профессии представлены главным образом в городах и поселках городского типа. Ведущими отраслями в среде городских ненцев являются образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг, государственное управление и социальное обеспечение. В сельской местности на первом месте находятся сельское хозяйство и охота, затем – рыболовство и образование.

Число однонациональных браков среди ненцев в начале XXI в. варьирует от 91,6% на территориях с преимущественно ненецким населением до 20,4% в этноконтактных зонах [Волжанина, 2010. С.268-269]. Статистические данные показывают рост доли детей-метисов с 2000 по 2008 гг. с 19 до 58,2%, указывая на значительное уменьшение влияния языковых и этнокультурных преград для современного поколения ненцев в выборе брачного партнера, по сравнению с предыдущими десятилетиями [Волжанина, 2010а. С.964].

В настоящее время около 70% ненцев округа являются билингвами и в зависимости от ситуации легко переходят к объяснению с ненецкого на русский язык, и наоборот [рассчитано по: ГАТО. Ф.1112. Оп.11. Д.228. Л.7-8]. Хорошее знание государственного языка, каким является русский язык, является залогом получения высшего образования и широкого выбора профессиональной деятельности. Доля людей, владеющих только родным языком, постоянно сокращается от поколения к поколению. Если 20 лет назад это были преимущественно дети до 6 лет, неохваченные начальным образованием, и мужчины и женщины старше 50 лет, то в начале XXI в. нижняя граница опустилась до возрастной группы 70 лет и старше. В силу особенностей традиционной культуры и этических норм в старших возрастных группах женщин, не владеющих никаким другим языком, кроме родного больше, чем мужчин. К моменту завершения обучения в средней школе 90% школьников свободно владеют русским языком. Этнографическая полевая работа показывает, что молодое поколение владеет ограниченным словарным запасом на родном языке, и часто не понимает старшее поколение в разговорах, отвлеченных от хозяйственно-бытовой тематики. Следствием неизбежного роста количества межнациональных браков в современных условиях является рост среди ненцев числа людей, считающих родным языком русский.

Несмотря на относительно благоприятную языковую ситуацию среди ненцев по сравнению с остальными коренными народами на Ямале, от переписи к переписи мы наблюдаем среди них рост доли людей, владеющих русским языком в ущерб родному. При этом темпы изменений значительно ускорились в конце XX в. На протяжении прошлого столетия ненцы, владеющие родным языком, насчитывали 97-95% [рассчитано по: ГАТО. Ф.1112. Оп.11. Д. 162. Л.1-

1об.]. Только с 1989 по 2002 г. их доля сократилась до 85,5%; [<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=44>]. При этом в городах население наиболее подвержено языковой ассимиляции, чем в сельской местности. В начале XXI в. 96,4% городских ненцев владели русским языком, и только 63,7% - ненецким. В сельской местности уровень владения русским языком по-прежнему оставался ниже, чем в городе, и уступал родному языку. 89% ненцев, проживающих в сельской местности, владели родным языком и 83% - русским. Кроме родного языка, в результате смешанных браков, по данным 2002 г., ненцы умели говорить, читать и писать или только разговаривать на более чем 20 языках славянской, романской, германской, балтийской, иранской, тюркской, самодийской, финно-угорской групп. Следствием образования является умение объясняться на английском (0,3%) и немецком (0,4%) языках. Согласно подсчетам Д.Богоявленского, ненцы относятся к числу народов, испытывающих ассимиляционные потери [2004]. Не последняя роль в этом принадлежит языковым процессам. Сведения о владении языками и этнографические материалы показывают языковую ассимиляцию ненцев коми и хантами в Приуральском, Надымском и Шурышкарском районах округа. На наш взгляд, сохранение традиционного кочевого образа жизни в современных условиях является главным фактором устойчивого владения родным языком значительной доли ненецкого населения в Ямало-Ненецком автономном округе. В настоящее время абсолютный рост кочевого населения сопровождается снижением доли кочевников в общей численности коренных народов Севера в районах преимущественного проживания ненцев при одновременном увеличении численности последних. Поэтому проведение специальных мероприятий, направленных на сохранение языка народов Севера (окружная целевая программа «Культура, язык и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера», принятие в 2010 г. окружного закона "О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа") будет недостаточно без поддержки и сохранения традиционного кочевого образа жизни, позволяющего ненецкому языку быть живым.

Список литературы

- Богоявленский Д. Вымирают ли народы Севера? // Население и общество. 2004. №165-166.
- Аксянова Г.А. Демография и антропология современных самодийских народов // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2001. 314 с.

- Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в. Очерки языкового сдвига. Спб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX – начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Волжанина Е.А. Кочевой образ жизни и численность ненцев Ямала в XX – начале XXI века // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации. Новосибирск: ЗАО ИПП "Офсет", 2010а. С. 954-965.
- Южаков А.А. Оленеводство как основа традиционного хозяйства и этнической культуры ненцев // Ненцы Ямала: кочевники и хранители традиций. Тюмень-Салехард: Феликс, 2005. С. 89-152.

Nganasan language documentation and analysis with a view to a state-of-the-art Boasian Trilogy

Geographically, the Nganasan language is one of the most remote of the Samoyedic branch from the viewpoint of Western as well as Russian scholars, and therefore, its systematic investigation started relatively late compared to other Uralic languages. Nevertheless, a remarkable number of studies on and text publications of Nganasan are available at present: Just in the course of the last decade two chrestomathies (Wagner-Nagy 2002, Katzschmann 2008) have been published. Likewise, there are lexicographical descriptions available (Kosterkina et al 2001) or lexicological studies in progress (Szeverényi 2012), and there are plenty of articles dealing with certain language phenomena, as well as published language material.

In spite of all noticeable achievements in Nganasan studies, we consider however that there are still several gaps in the description of Nganasan in each respect of a Boasian Trilogy which should be filled by further studies. These gaps, which are to be discussed in further detail in the paper, can be outlined along the constitutive parts of a trilogy:

1. **Existing grammatical descriptions** are mainly focused on phonology, morpho-phonology and morphology; syntactic descriptions are rather scarce. Certain phenomena are not studied at all, others are described only in articles and have not been systematized (e.g. Gusev 2007, Leisiö 2006 etc.). Hardly any descriptions deal with pragmatics. The underlying principle in the existing grammatical descriptions is mainly the semasiological view rather than the onomasiological, which can be explained by the preponderance of historical linguistic orientation in traditional Uralic studies. Furthermore, recent grammatical descriptions are only partly based on documented text corpora and thus, do not fulfill the requirements of a reference grammar.

2. **Lexicographical descriptions:** None of the existing dictionaries or word lists contains certain substantial data such as e.g. valence; cross references as well as sample clauses are quite rarely provided, nor are semantic domains described.

3. **Corpora:** The bulk of the Nganasan texts published by the end of the 20th consist of folklore texts, mainly myths, legends and tales. A limited number of short autobiographical narratives and examples of common speech can be found among them. Through the text material collected by Wagner-Nagy, Szeverényi and Brykina during their most recent field work, as well as by Gusev, the range of text types have been expanded, still, very few everyday narratives or conversations have been recorded hitherto and thus, modern language usage is not represented in the available text corpora to a sufficient extent.

From all these, and following a set of criteria for an up-to-date language documentation (cf. e.g. Good 2011), following tasks for further preoccupation with Nganasan language can be derived:

- Extending the available text corpora by language documentation in order to a) cover a larger range of text types and b) serve as basis for a reference grammar. This includes the building of an annotated and searchable text corpus;
- Compiling a reference grammar that is to a larger extent based on the onomasiological principle so that it may serve as a better source for language typologists, and that fills some gaps in the syntactic description of Nganasan, also including the aspect of information structure and other textual strategies, and is based on documented or elicited language material;
- Compiling a lexicographical description of Nganasan based on documented language material and linked with the text corpus.

References

Good, Jeff 2011: Date and language documentation. In Austin, K. Peter and Julia Sallabank (eds): *Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: CUP, 159–186

- Gusev, Valentin Y. 2007: Evidentsial'nost' v nganasanskom jazyke. In Viktor S. Hrakovskij (ed.), *Evidentsial'nost' v jazykah Evropy i Azii*, St Petersburg: Nauka, 415-444
- Katzschmann, Michael 2008: *Chrestomatia Nganasanica*, Norderstedt: Books on demand.
- Kosterkina, N. T. – A. Ch. Momd'e – T. Ju. Zhdanova 2001: *Slovar' nganasansko-russkij i rusko-nganasanskij*, St.-Peterburg: Prosveshchenie
- Leisiö, Larisa 2006: Passive in Nganasan. In Abraham, W. and Larisa Leisiö (eds): *Passivization and Typology: Form and Function* (Typological Studies in Language 68), Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 213-231
- Wagner-Nagy, Beáta (ed.) 2002: *Chrestomathia Nganasanica*. SUA Supplementum 10, Budapest – Szeged: SZTE Finnugor Tanszék, MTA Nyelvtudományi Intézet, 2002

List of Authors and subjects

- Bajdak**, Alexandra (National Tomsk Polytechnic University)
Обрядовая лексика как этнолингвистический источник
- Burkova**, Svetlana (Novosibirsk State Technical University (NSTU))
Coding of Phase Semantics in Nenets
- Dobžanskaja**, Oksana (Pushkin Leningrad State University, Tajmyr Branch)
Личные песни в культуре самодийских народов
История этномузыковедческих исследований самодийских народов
- Dybo**, Anna (Russian Academy of Sciences, Moscow)
Самодийские названия жилищ
- Gerland**, Doris – **Wratil**, Melani (Heinrich Heine University Düsseldorf –
Goethe University Frankfurt)
The Distribution and Reference of Subject and Object Personal Pronouns in Nganasan
- S. V. Glushkov**
A Few Notes On Selkup Prehistory And Proto-Selkup Dialects
[Mr. Glushkov will not be able to attend the Conference]
- Gusev**, Valentin (Russian Academy of Sciences, Moscow)
Аугментатив в нганасанском языке: от грамматики к дискурсу и обратно
- Katzschmann**, Michael (University of Göttingen)
The Affirmative and Related Features in Enets Morphosyntax
- Kazakevich**, Olga (Lomonosov Moscow State University)
Aspect in Selkup and Evenki: searching for a proper description model
- Khakimulina**, Olga (Smolensk State Institute of Arts, Department of Museums and
Protection of Monuments)
Этнографические коллекции музеев Таймыра в формировании этнокультурной
среды региона
- Khanina**, Olesja – **Šluinskij**, Andrej (Russian Academy of Sciences, Moscow)
Лично-числовое маркирование нефинитных форм в лесном диалекте энецкого
языка
- Khariuchi**, Galina (The State Public Institution of the Yamal-Nenets Autonomous Area
"The Science Center of Arctic Study", Salekhard)
Хэбидя вада в тематическом словаре
- Klumpp**, Gerson (University of Tartu)
Kai Donner's phonograph records of Kamas
- Knüppel**, Michael (Academy of Sciences, Göttingen)
Die Einbeziehung samojedischer „Befunde“ in die jukagirischen Studien

- Krjukova, Elena** (Tomsk State Pedagogical University)
Typologische Parallelen des Ketischen und Selkupischen unter arealem Aspekt
- Kuznecova, Ariadna** (Lomonosov Moscow State University)
Использование современного селькупского языка в новой сфере
- Laptander, Roza** (Arctic Centre, University of Lapland, Rovaniemi, Finland)
Socio-cultural change of Uralic language minorities in 20th-21st century Siberia, analyzed through Nenets life stories
- Mus, Nikolett** (Hungarian Academy of Sciences, Budapest)
On the Typology of the Northern Samoyedic wh-words
Poster: Is there a dedicated subject position in Tundra Nenets simple clause?
- Pozdeeva, Galina** (National Tomsk Polytechnic University)
Конструкция «количественное числительное > 2 + существительное» в самодийских языках
- Šapiro, Maria – Stenin, Ivan** (Lomonosov Moscow State University – Russian Academy of Sciences, Moscow)
Семантика глаголов колебательного движения в ненецком языке
- Siegl, Florian** (University of Helsinki)
The counterfactive mood NEG.AUX-ŋi as an example of language change
- Stenin, Ivan** (Russian Academy of Sciences, Moscow)
On the question of valency-changing derivations in Tundra Nenets
- Szeverényi, Sándor** (University of Szeged / Hungarian Academy of Sciences, Budapest)
The theoretical basis of a Diachronic Cognitive Onomasiological Dictionary of the Nganasan Language
- Tučkov, Aleksandr** (Tomsk State Pedagogical University)
Трансформационные процессы у среднеобских селькупов в 1920-1930-е гг.
- Tučkova, Natal'ja** (Tomsk State Pedagogical University)
Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А.И. Кузьминой
- Volžanina, Elena** (Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen)
Кочевой образ жизни и сохранение родного языка ненцами Ямала в XX - первом десятилетии XXI века
- Wagner-Nagy, Beáta– Zayzon, Réka** (University of Hamburg)
Nganasan language documentation and analysis with a view to preparing a state-of-the-art Boasian Trilogy

The Institut für Finnougristik/Uralistik of Hamburg University gratefully acknowledges a grant by the *Fritz Thyssen Stiftung*.

Picture credits:

Kuoljok, K. E. 1993: Nordsamojediska folk. Uppsala (URSUS; 1)

Хомич, Л. В. 2000: Нганасаны. СПб (Народы Севера и Дальнего Востока)

Fritz Thyssen Stiftung
für Wissenschaftsförderung

Institut für
Finnougristik/Uralistik

